ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ
30 декабря 1977 года — 8 августа 1978 года

«Сострадание есть главнейший и, может быть,
единственный закон бытия всего человечества».
Федор Достоевский

«… и множество слов замелькало в его мозгу,
но среди них не было ни одного, рожденного любовью к родине.
Всю свою память, все свое воображение напрягал он, искал в прошлом,
искал в книгах, которые прочел, — и много было звучных и красивых слов,
но не было ни одного, с каким страдающий сын мог бы обратиться
к своей матери-родине. Он чувствовал его близко, он почти видел это
слово и знал, чем оно отличается от других:
все другие слова плоски и бедны, как нищие на паперти,
а это облито кровью и слезами, как раскаленный уголь, и светло, как
небесный огонь, и не мог найти его. И таким пустым и бедным
почувствовал он себя, как последний нищий, самый последний нищий,
у которого душа черства, как брошенное ему подаяние».
Леонид Андреев

«Только влюбленный имеет право на звание человека»
Александр Блок

30 декабря, 77

Одним из наших любимейших авторов сразу стал А.С. Слепышев. Первый раз мы были у него в октябре. Вела нас Маша Холина — живая энергичная Маша, крепкая полная девочка в брюках, кофточке-разлетайке, с массой черных кудрявых волос вокруг белого лица. Познакомились мы с Машей у Ариадны Ипполитовны Милашевской. Маша все знала, везде была и обо всем слышала. Среди вечерников-искусствоведов такие девочки встречаются.

Мастерская Слепышева оказалась в одном из переулков возле ГУМ, рядом с нашим Управлением культуры в переулке Куйбышева, 4. Бывая в Управлении, я заходила и к Слепышевёу. Но это было потом.

Слепышеву — 45, выглядит он молодо: маленький, кругленький, с короткими пальцами, живой и уютный, с мгновенной реакцией на слово и жест, с перепадами настроений. Однажды, любуясь, как он сидит, поджав ногу, я сказала:

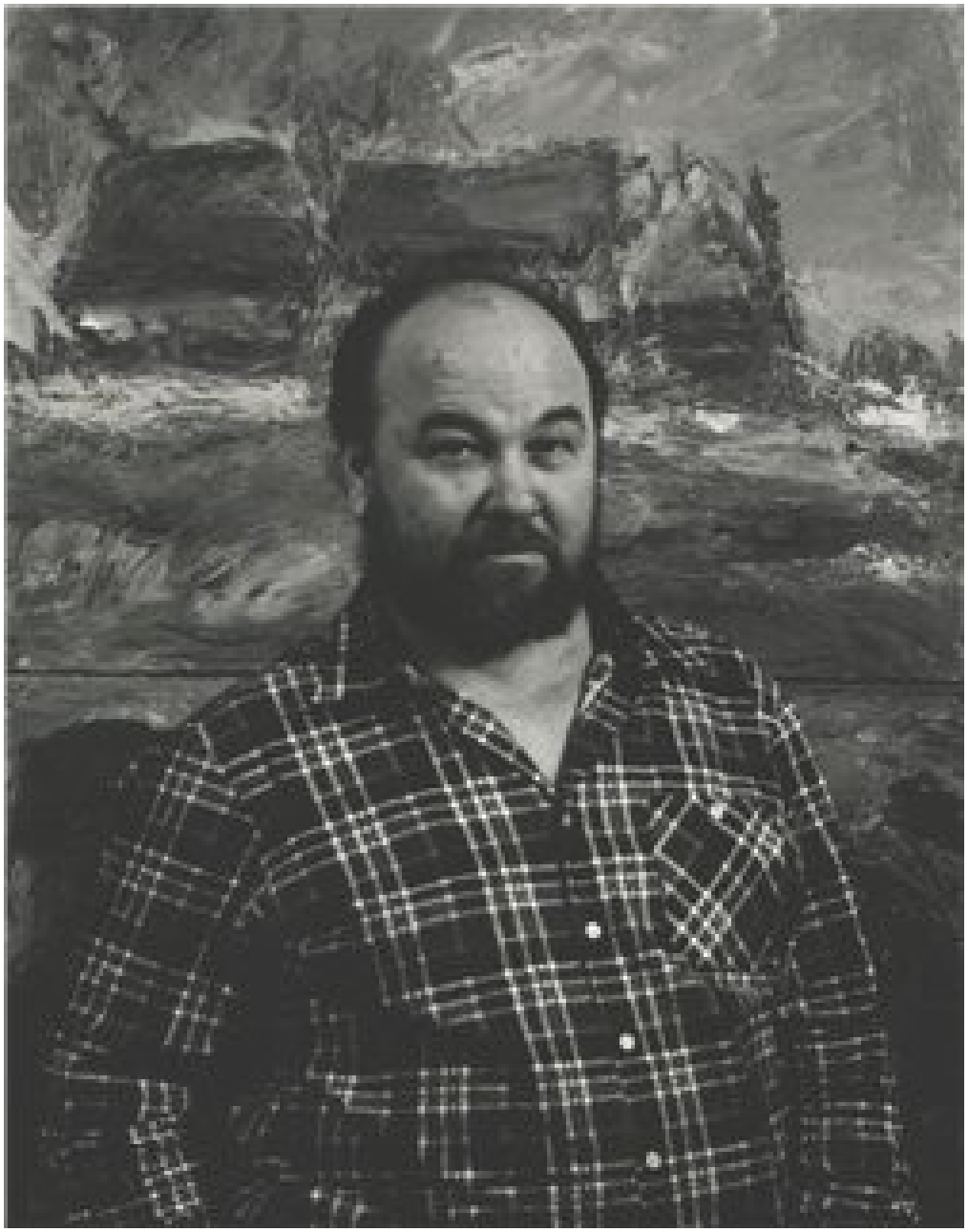
— Вы похожи на Константина Коровина.

Недоверчиво вскинулся, отмахнулся:

— Выдумываете все. Ни на кого я не похож. Сам на себя похож.

Встретил он нас сдержанно, привычно, сообщение Маши о том, что мы — закупочная комиссия — принял скептически:

— Да ведь над вами кто-то есть.



Слепышев Анатолий Степанович (1932 –2016).
Фото последней трети XX в.

Холстов было очень много, они висели в несколько рядов на стенах, стояли на полу.

— Всё показывать? У меня — много…

Я, твердым голосом:

— Всё.

— Ну, смотрите. Я привык. Каждый день кому-нибудь показываю.

Мольберта у него не было. Писал он на крошечной скамеечке, прислонив холст к груде папок с рисунками.

— Как же Вы — без мольберта?

— А зачем?

— Ну, все-таки…

— Незачем. Так лучше.

Смотрели в полной тишине. Он о работах почти не говорил. Рассказал, как приехали к нему девочки из Новосибирского музея: «ах да ох», подарите в музей. Подарил восемь картин. А директора у них — сняли, и картины, быть может, выбросили. С тех пор он в музеи ничего не дарит, купленное больше берегут.

Показывал не всё, некоторые холсты переносил в ряд просмотренных, не поворачивая:

— Это — когда мы с вами ближе познакомимся.

Кончив перебор работ под стенами, махнул рукой в угол:

— Под приёмником тоже показывать?!

Я, сурово:

— Тоже.

Девочки засмеялись.

Пожал плечами, взялся за приёмник.

— Ладно, покажу. Все равно вы с первого раза ничего не поймете.

К концу просмотра притих, лицо потемнело, глаза стали светлее и печальнее. Мне показалось, что он, как все художники при показе, — волнуется. Тут же простила ему браваду и пижонство, стало немного свободнее и веселее.

Он закурил, встал перед нами выжидающе:

— Ну как — понравилось?

Я, с вызовом:

— Понравилось!

— А я всем нравлюсь. Либо нравлюсь, либо меня терпеть не могут.

Засмеялся, лицо круглое, добродушное, зубы свежие, ровные.

Велел Маше сделать чай, какого-то пришедшего мужчину послал в магазин, сунув ему рубль.

Распоряжался, как царек, я представила его в халате, среди женщин, — то самое.

Отбирали мы долго. Я даже немного расстроилась. Работы при ближайшем рассмотрении поражали живописным качеством, но цельной картины создать из них не удавалось.

С самого начала у нас был принцип отбора — отражающий. Эволюцию, тематику, творчество в целом, если возможно.

— Непременно что-нибудь из лошадей и женщин. И чтобы лестница была. И сидящие на крыше. И летящие…

Madam, зловредно:

— Может, всё подряд возьмем?

А.С. Слепышев. Лошади. 1969 г. Холст, масло

Перевернули всё. Остановились на пейзаже с деревом и человеком, несущим лестницу. Пейзаж был бесспорный. Остальное дробило картину, казалось случайным.

Хозяин в отборе участия не принимал, говорил с Машей, потом куда-то вышел. При всей своей энергичности присутствия он умел не мешать, отделяться.

Madam, осмелев после его ухода, захлопотала вокруг висящей на стене «Обнаженной»:

— Ну, роскошная же женщина! Я её сниму. Она как жемчужина в раковине, ты посмотри.

Сняли, поставили. Я, с сомнением:

— Ничего…

И, наконец, сняли со стены под потолком большой горизонтальный холст с двумя лошадьми, ведомыми темным, согбенным человечком. Мне «Лошади» не нравились, казались грязноватыми по цвету, однообразными по мазку.

— Мыльная живопись, — сказала потом Наташа Савко.

Девочки радовались. Эти три холста, в принципе, все отражали.

Я была огорчена и слегка раздражена непонятно чем. Девочки хором уверяли меня, что «Лошади» просто прекрасные.

— Да ради Бога, если вам так хочется, — сказала я.

А.С. Слепышев. Похищение Европы. 1977. Холст, масло

Люда, смущаясь, как обычно, заговорила о наших ценах:

— Самое большее — пятьсот рублей…

— Ну, так вот, — решительно ответил Слепышев. — «Лошади» — пятьсот, остальное — по триста.

Мы облегченно закивали. Он был доволен. Как потом выяснилось, продает он дешевле, но музеям решил — не спускать. Попросили его сделать рамы, подрамник новый для «Лошадей», оговорили детали. Было уже поздно.

Еще раз полюбовались на маленькие картинки по стенам, стали одеваться.

Мастер как-то сразу сник, замолчал, глаза заблестели тоской, и всё в нем словно осунулось.

А.С. Слепышев. Мой двор. 1977–1978. Холст, масло

— Да что это Вы? — спросила я заболевшим сердцем. — Что случилось?

— Все равно вы ничего не купите, — сказал он грустно, даже потупившись немного. — А я рамы закажу, куда их потом?

Меня поразило это сомнение, эта, несмотря ни на что, великая незащищенность…

— Бросьте Ваши предчувствия, нам только этого не хватало! Будем надеяться. Вот видите, мы — верим!

Махнул рукой, открыл нам дверь. Под нею явно кто-то распивал недавно «на троих». Лежали на ящике огрызки, корки, стоял стакан.

— Во! — развеселились мы.

— Это у меня часто. Работяги тешатся. Пусть.

Улыбнулся, глаза растерянные, грустные.

— Заходите! Я здесь всегда. Буду рад.

Я тут же спросила у Маши:

— Господи, что это он? Так держался, а в конце — на тебе…

Маша ответила беспечно, но явно меньше, чем знала:

— Не обращайте внимания. Бывает.

Большой грустью обернулся этот первый визит к Слепышеву.

— Да поймите же вы, — доказывала я девочкам, — меня не «Лошади» смущают, мне кажется, мы отобрали так, что он кажется лучше, цельнее, монументальнее, чем есть на самом деле. Я не думаю, что это хорошо, то есть, конечно, хорошо, но несправедливо. Он — с капризами, литературой, реминисценциями, а мы делаем стерильного Слепышева, живописца per se.

Решили с расстроенных чувств ехать смотреть «Механическое пианино» Никиты Михалкова.

Потом я писала Василе Василаке о «вдовах, воздвигающих памятники культуре» и о «молодых, играющих в культуру, которой нет».

Словом, Слепышев нас достал. Я ему об этом — рассказывала:

— Очень показалось всё грустным. Непонятно, отчего. А у Гросицкого — напротив. Такая жизнеутверждающая, здоровая живопись!

Расхохотался:

— После Слепышева!

— Да, после Слепышева. Тогда тоже все смеялись. Но так — было… А потом, через неделю, две, месяц, чувствуешь, что эта живопись живет в тебе. И — превращается. И снова всё наоборот. Печальный Слепышев светлеет и светлеет, а радостный Гросицкий темнеет и мрачнеет. За это время я у Гросицкого была четыре раза, а к Вам не шла: пусть, думаю, светлеет… А жизнерадостный Гросицкий всё темнел, и под конец я поняла, что художника трагичнее — не знаю.

Взглянул серьезно и проникновенно:

— Да, он трагичен — очень…

— Ну, и вживание в живопись саму. Мы каждую картинку для инвентарных книг описываем, попробуйте вот это — описать… И ползаешь по ней, как муха, и видишь всё… Пейзаж написан — с блеском! Мазок — ворона, мазок — телега, мазок — рубаха алая… Так вот и прониклись — Слепышевым!

Слушал внимательно, молча, без реплик. Я стеснялась откровенности, но чувствовала, что говорить — могу, ему это — нужно. Это был мой третий визит к нему. Я зашла сказать, что наши деньги Гросицкий получил. Я была одна, без девочек. Он работал. И, как ребенок из постели — теплый, так он был теплым — от холста. Спокойным, очень собранным и мягким.

— Вы чуточку в миноре? — спросила я.

— Нет, почему же. Всё наоборот. Я — без миноров обхожусь.

Сам на себя похожий Слепышев.

Он хорошо и много говорит. С огромным наслаждением мы слушали его 20 ноября, собравшись перед вечером Купряшина. Он обещал музею подарить рисунки после оплаты счета за живопись. Когда я пришла в мастерскую, девочки были уже там, шампанское лилось рекой. Народу сидело много: Маша, Ефим из Саратовского музея имени Радищева, какая-то армянского типа поэтесса, помнится, Лариса.

— Я — Галя, — сказал я хозяину, принимаясь за шампанское и бутерброд.

— Как же, я помню, — воскликнул он. — Роскошная женщина!

— Девица я и слов таких не знаю, — огрызнулась я привычно.

Он был очень мил и весел — румяный, встрепанный, из тех мужчин, которые после вина раскрываются и продолжаются в бесконечность. (Многие мужчины после выпивки исчерпываются мигом).

Гости вскоре разошлись, остались мы и он. Я усадила его рядом на скамейку. В мастерской, кроме скамейки и стула, найденного, как сообщила Маша, на помойке, ничего не было. Чай кипятился в зеленом кофейнике на газовой плите с красным округлым баллоном. Стаканы и прочий быт ютились на подоконнике.

Возле меня сидела Люда, напротив, на низенькой скамеечке, — Елена, Madam уселась на пол у ног художника. Он блаженствовал. Я наводила его на анкетные разговоры.

— Меня из Суриковского — выгнали. Пять лет проучился — и выгнали! Жилинский всё…

Мы, хором:

— Быть не может!

— Жилинский! Он меня терпеть не мог! Никогда, он говорил, не будет Слепышев художником, он не умеет рисовать!

Я, в упоении:

— Ой, это надо записать!

— Пишите. Благодаря Жилинскому, я вылетел из Суриковского на пятом курсе. Я ведь монументалистом был. И работал как монументалист. На Ленинскую премию выдвигать хотели…

Взрыв восторга:

— Быть не может!

— Ну, не одного меня, там много было авторов. В Зеленограде архитектор…

И пошли история о Ленинской премии. Рассказывает с блеском, дает убийственные характеристики. Андронову, Эрнсту Неизвестному етс. Не злые, — саркастичные, собирая, как в фокусе, всё смешное, грубое, ничтожное. Повторить боюсь, без искажений это невозможно.

Раскалываем Слепышева дальше.

— Анатолий Степанович, а как Вы к себе — пришли?

—А я и не шел. Таким родился.

Действительно, периода становления в его живописи нет.

— А образы откуда? Вот — лестница…

— Лестница… Я все клубами рисовал. Такая живопись — клубящаяся… И захотелось мне чего-то ровного, прямого, горизонтально-вертикального. И вышла — лестница.

Покоряюще объяснил. Как я боялась умствований вроде «сопряжения горнего и дольнего…». Ах, чудный, чудный Слепышев!

— А женщины?

— Женщины — это всегда Россия. В глубоком сне, в невозмутимости, в покое… Или — пробуждающаяся от сна. От летаргии. Едва-едва пробуждающаяся…

— А лошади?

— А лошади — это просто прекрасно. Всегда прекрасно. Как женщины!

Вот тебе и Слепышев.

— Я и стихи пишу. Только без рифмы.

Все чаще вспоминаю Герочку Вздорнова:

— Люди лгут, когда говорят, что не пишут стихи.

Действительно, все пишут. Как не писать!

Потом мы с ним ходили в ГУМ, покупали торт, мороженное. Не помню, как зашла речь о Д.В. Сарабьянове. Слепышев сказал:

— Сарабьянов умный мужик, хороший. Но он ни во что не верит. А я не могу любить человека, если он ни во что не верит. Не смотрите, что я циник и мужик, я люблю, когда верят…

В ГУМ-е плавал в толпе, как толстенький карасик.

— Сейчас, сейчас, мы быстро. Я ведь часто бегаю сюда, — девочки приходят, надо угостить. В любви девочки — объясняются.

Я, собравшись с духом:

— Анатолий Степанович, а это ничего — когда объясняются?

— Это очень хорошо. Художнику нужно много любви. Только он никогда не скажет сам. Приходится — девочкам. Художник — эгоист. Для него существует только он и его работы. Но когда ему говорят, что его — любят, это очень важно. И очень, очень приятно.

Как я его слушала! И потом говорила Люде:

— Понимаете, он говорит, что любви никогда не бывает слишком много. Сколько бы её ни было — всё равно мало…

Так мы обе убеждали себя, что любовь наша — нужна.

В этом году было много любви.

23 февраля, 78

А.С. Слепышев вызывал во мне контрастные чувства: то необъяснимого разочарования — беспричинного и досадливого, то восхи-

щения, нежности и заботливого тепла — не воплощавшееся, впрочем, во что-нибудь.

Очередной наплыв братской любви случился в прошлое посещение мастерской его — в понедельник, 20 февраля. Мы с Людой пришли, чтобы забрать эскиз Серебряковой, этюд Борисова-Мусатова и эскиз Головина, которые продавала его теща. Однако, работ этих в мастерской не оказалось, теща их ему не дала: пусть девочки сами придут к ней, поговорят и заберут.

Мы специально приезжали к нему домой — «смотреть Серебрякову», потеряли выходной. Тогда меня, кстати, и настигло очередное разочарование, хотя дом у него (вернее, у его жены Лены) очень милый, есть старая тещина мебель и безделушки, а Серебрякова оказалась вполне ничего.

Мы рассердилась в мастерской — ужасно! Времени на визиты было очень мало, рабочих единиц — всего две. Слепышев, блистая наголо обритой головой, оправдывался бабьим голосом. Я обозвала его «пижоном дешевым», а он предложил сбегать в магазин и поставил чай.

— Вина купить? — тонко, с подвыванием, очень для него характерным.

Я, басом:

— Купить!

Ушел. Мы стали рассматривать новые работы и начатый холст на маленькой скамеечке. Я назвала его «Пир Ирода». Многофигурная композиция, слева роскошная дама, перед нею полуобнаженная девица с пышным голым задом. Справа обнимаются двое.

Я села на вторую скамеечку напротив, потрогала кисть и мягкий завиток мазка на холсте. Так близко тепленькую живопись я еще не видела.

Пишет Слепышев пастозным, виртуозным мазком с вывертами, часто не смешивая краски до конца, так что в темном мазке просвечивают пласты и прожилки светлого, яркого цвета. Пишет быстро, хотя жалуется, что с возрастом стал работать медленнее. Говорит о накоплении усталости, но не о себе, а так, вообще о художнике, которому под пятьдесят.

Бутылку вина принес, также булочки, три коробочки плавленого сыра «Янтарь».

— Наро-оду! Прямо сюр везде. Хотел ветчины купить — очередь!..

Увидел меня с кистью:

— Вот, не успеешь за порог ступить, как твою живопись — совершенствуют!

Я, с горечью:

— Ах, Слепышев, при таком мастерстве, каким художником могли бы быть…

— Да, гениальным! А Слепышев — не тянет! — и захохотал.

Очень ему понравилось это мое словечко — «не тянет». Был разговор о любви. Я рассержено допытывалась, кого из нас он хочет видеть и зачем юлит.

— Ну, маразм у бабушки (имелась в виду теща), ей поговорить хочется… Ну, пришлите девочку за Серебряковой…

— Какую девочку?! Почему сразу не сказать? Все допытывается: кто приедет, да кто будет… Вы прямо мне скажите, я Вам дюжину пришлю, только конкретных! Молчит, пижон. Влюбился, так и нечего скрывать, а то — девочку, девочку…

Он ответил с горячностью:

— Да что влюбляться в вас? Вы деловые люди, вам всё некогда. Влюбишься и будешь сидеть, страдать…

Я, задетая за живое:

— И сидите! И страдайте! Мы же — страдаем!

Люда, со стоном:

— Да!

Я:

— Но Вам слабо страдать. Не тянете…

Слепышев, погаснув:

— Слабо. Не тяну.

Распробовав слово, загораясь, уже светясь:

—Вот-вот: не тяну! Никак не тяну!..

Эмоции Слепышева фиксировать очень трудно, их открытость обманчива, первопричины сокрыты. Иногда я чувствую возникающие в нем ассоциации, на стыке их вспыхивает оживленная улыбка, интерес, но ни сами ассоциации, ни ход их мне неведомы.

24 февраля, 78

Сегодня — день! Вчера. Сейчас два ночи, только что вернулась и отогрелась.

Андрей Дюков водил нас к Жегиной Варваре Тихоновне, а потом — на юбилей Ивана Ефимова, в знаменитый дом на Ново-Басманной.

У Варвары Тихоновны смотрели работы Льва Жегина — все. Андрей, Игорь Евсиков и Симона (скульптор) восхищались, мы с Людой молчали, как всегда. Потом отобрали 19 работ. Варвара Тихоновна разволновалась, Андрей с Игорем уговаривали, убеждали. Комнатушка маленькая, с высокими узкими стенками. Странно и дико, что Лев Жегин прожил в ней б*о*льшую часть жизни, что здесь писал свой теоретический труд, делал макет дворца в Коломенском.

Для нас Лев Жегин — это портрет работы Татьяны Александровой: юноша есенинского типа с русыми кудрями и галстуком-бабочкой.

Т.Б. Александрова (1907–1987). Портрет Л.Ф. Жегина. 1928.
Музей «Новый Иерусалим»

Лев Федорович Жегин (1892–1969). Автопортрет.
Бумага, акварель, белила. 1950-е.
Музей «Новый Иерусалим»

Л.Ф. Жегин (1892–1969). Портрет матери. 1928.
Холст, масло.
Музей «Новый Иерусалим»

С. 15.
Л.Ф. Жегин (1892–1969). Реквием. 1919. Холст, масло.
Музей «Новый Иерусалим»

Это серьезная книжка в строгом супере, с чертежами поверх знаменитых икон и картин.

Это «Путь живописи», о котором пишут дипломные работы и который, кроме самого Льва Жегина и Татьяны Александровой, так ничего и не родил и ни к чему, в общем, не пришел, как бы ни был мил старичок Василий Губин и как бы тепло ни вспоминал он Коротеева.

Образ, словом, романтический. И такая жизнь убогая…

3 марта, 78

Поразил Д.Д. Жилинский на юбилее И. Ефимова. У него болела шея, поворачивался всем корпусом, голова неподвижно и прямо торчала над шарфом.

Андрей Дюков — Д.Д. Жилинскому:

— Вот бы выставку Жегина сделать? Как?

Жилинский — загораясь:

— Да! Надо бы. Жегин!

Нина Жилинская, подхватывая:

— Жегин — да!..

Андрей:

— Ну, так как, Дмитрий Дмитриевич? На Гоголевском бы! Может — как-нибудь?

Жилинский, с внезапной ожесточенностью:

— Да никак! Не пройдет — Жегин! Кому всё это надо?

Нина Жилинская:

— Никому не надо! Вот разве им — только! — Жест в сторону нас с Людой.

Жилинский, с болью:

— Да, только им!

Мы в центре внимания. Затаенная горечь Дмитрия Дмитриевича и пылкость его так для меня новы, что не успеваю смутиться. Говорю обычное:

— Ну, долго это не протянется.

— Посадят? И посадят! — Жилинский, яростно.

— Ну, не посадят, а дело пришьют, — кто-то, уныло.

— Вот, Пушкарев!

— Да. Пушкарев!

— Уже пришили, — говорю с гордостью. — Аполитичность в работе музея…

— Это ерунда! — Жилинский, убежденно. — За это не сажают. Но не дай Бог что-нибудь дурацкое…

— Девочки, смотрите в оба! — Нина Жилинская. — Чтоб ни одной зацепочки! Ни помады у цыган не покупайте, ни карандашей для бровей…

Я, весело:

— Ну, это нам не грозит. А посадят, — вы же нам сухарики принесете?

— Принесем!

— И спасибо! Главное, быть бы вам — свободными!

Такой или почти такой, по смыслу такой разговор произошел в холодной мастерской И. Ефимова среди холстов, скульптур и кукол.

Странным мне показалось всё это. Такие благополучные Жилинские. О Дмитрии Дмитриевиче телефильм показывали…

4 марта, 78

В тот день Андрей Дюков сказал:

— Советская власть дала трещину в одном месте — в Истре.

А в очередной мой визит к Слепышеву «Пир Ирода» был почти готов. Внизу появились рельефная лошадь и мужик. А дама передавала девице — голову.

— С Вашей легкой руки, — сказал Слепышев. — Голова Жилинского.

— Да непохожа ведь! — возразила я, смеясь.

— Похожа-похожа, — пропел Слепышев. — Я так и надпишу: «Голова Ж–го».

— Бедный Жилинский! — сказала я.

— Нина прибегала, — начал Слепышев. — Я, рассматривая картинку, слушала в пол-уха. — Ему предложили сотрудничать с органами. Отказался. У него с отцом было что-то. Нина переполошенная… Он будто бы кричал: «Я вас всех ненавижу!». Да ничего ему не будет, уж ему-то — ничего не будет!

25 марта, 78

Мы Д.Д. Жилинскому до сих пор не оплатили счет. Вся сумма — 5 тысяч, из них 2 тысячи — темпера, портрет Оли на фоне цветущего жасмина. Темперу он до сих пор не написал, а мы, раскинув 4,5 тысячи на 10 рисунков, сомневались: 500–400–350 рублей за рисунок — очень дорого. Была бы темпера — ясно, что раскинули, а так — необъяснимо.

Главный хранитель музея М.Г. Артемова каким-то обманом подписала протокол закупочной комиссии на «всего Жилинского» у инспектора Управления культуры И.В. Бланк в конце прошлого года и тогда же настаивала на оплате счёта.

Д.Д. Жилинский. Портрет Оли с цветущим жасмином. 1978.
Музей «Новый Иерусалим»

Мы решили отложить: не будучи уверенными в завтрашнем дне, оплатили счета вдов и молодых художников. В этом же году, при терроре со стороны Управления, М.Г. Артемова отказывалась от регистрации рисунков, что не давало возможности бухгалтеру оплатить счет.

Сам Д.Д. Жилинский, столкнувшись со мной на вечере памяти З. Матвеевой-Мостовой 22 марта, улыбался без прежнего веселья.

— Вы меня совсем забыли!

— Ах, Дмитрий Дмитриевич, мы Ваш счёт отдали на оплату, но как без темперы…

— Да напишу я, Оля в Крым уехала, вот вернется, и напишу.

— Да Вы давно уж обещали…

— Но вы говорили, что заплатите как за рисунки, а портрет — потом…

— Риск, Дмитрий Дмитриевич, у нас сейчас комиссия работает, зачем Вам нас подводить?

— И не надо, если комиссия. Давайте, я вам что-нибудь дам — для комиссии, а потом обменяем на портрет Оли.

— Ой, ну как можно, махинации…

— Да всё равно вас посадят! Всё равно — посадят!

— Да что Вы так пророчите, Бог с Вами…

— У меня столько работ забрали на закупку и никто ничего не заплатил! Если бы не моя зарплата…

— Дмитрий Дмитриевич, не подводите под монастырь! Мы позвоним, приедем, придумаем что-нибудь!

— Да, звоните. Я напишу Олю, а сейчас — пишу Капицу, пока свет, понимаете, пока свет есть…

С тяжелым чувством я думала об этом разговоре. Вспоминался приговор Слепышева о Жилинском:

— Он собственным горбом всего добился, через всё прошел. И только на одном споткнулся — на деньгах.

Слепышев не осуждал его, — жалел. Хорошо отзывался о фильме. Я осуждала Слепышева, когда он предложил мне сделку, но Жилинского тоже жалела.

Со Слепышевым была у меня такая история.

Он подарил музею 14 рисунков, прекрасных, между прочим. (О рисунках Жилинского отзывался уничижительно: «Студия, и плохая»). Но мы задумали купить у его тещи эскиз Серебряковой, который она ценила в 800 рублей, и 300 рублей раскинули на рисунки. Слепышев не возражал. В тот же счет мы включили «Пейзаж» с трупами коней, который давно хотели приобрести у него, и «Московский дворик», новую работу. «Пейзаж» он отдавал за 300 рублей, а «Дворик» сначала не хотел продавать, а потом запросил 400 рублей. Я согласилась. Приехав оформлять документы, стала перебирать груду рисунков и, по привычке, отложила лучшие. Слепышев окинул взором кипу на полу, покосился на меня. Я сказала:

— Это надо бы в музей.

Он, как всегда, напыжился:

— Что в Истре, музей Слепышева?

— Они у Вас хранятся ужасно. Пусть будут у нас.

— Да пусть, мне что. Я так — надо же поломаться…

Показал на небольшую картинку «Поцелуй Иуды»:

— Возьмите, за 150 отдам.

— Ну, в музей это не пойдет. Вот себе я взяла бы.

— Да Вам я за 100 отдам!

— Я думала, мне премию дадут, и куплю себе что-нибудь. Накоплю еще — и куплю. Но мне премию не дали, я же рассказывала.

— Куплю… Тоже мне — коллекционеры! Я бы и за 50 продал.

Я не ответила.

«Поцелуй Иуды» очень мне нравился.

— Это прямо про меня, — говорила я Слепышеву.

Не знаю, что именно имела я в виду. Наверное, атмосферу предательства, которая стояла в Управлении культуры, где так недавно я была любимым избалованным дитём.

— А знаете что? — сказал вдруг Слепышев. — Дайте мне за рисунки (прищурился на кипу) рублей 200. А картинку я вам подарю. Никто не узнает. Даже Гросицкий. И девицам вашим я не скажу. Давайте, а?

Я смотрела на него с изумлением, опешив. Сердце вдруг часто забилось, я почувствовала, что он — волнуется. Наверное, 200 рублей замаячили перед ним таким же соблазном, как «Поцелуй Иуды» — предо мной.

— Но тогда надо бы ещё добрать, — покраснев, сказала я про рисунки растерянно.

— Доберите, — согласился он.

Я неверными руками перебрала еще одну стопку. Всего вышло 10 рисунков. По 20 рублей, совсем недорого… Я села на лавку у окна, налила себе чаю.

Мысли роились: «Что же это, он сделку мне предлагает? Ты — мне, я — тебе? И чтоб никто не знал?!».

— Анатолий Степанович, почему Вы думаете, что я могу сделать что-нибудь, что надо — скрывать?

— Да не скрывайте, Боже мой! Я ведь много дарю, чего ж тут такого!

Он был смущен немного, почувствовав мое смятение.

— Нет, ну как можно предлагать мне такое? — Я говорила, словно шутя, всерьез возмущаться не было сил.

Пришла молодая художница, которой Слепышев должен был чем-то помочь.

— Ну, что я могу? — жаловался он. — Ну, что?

Я стала собираться. Он упаковывал рисунки. Что-то было недоговорено.

Я оделась, взяла подмышку рисунки. Посмотрела ему в глаза:

— Да свидания. Подумайте, пожалуйста, о рамах для картин. Мы за ними заедем. Я позвоню, когда. А рисунки, я думаю, Вам следовало бы отдать нам просто так.

— Да что я, против? — воскликнул он с облегчением. — Я же не жадный какой-нибудь!

Так и не достался мне «Поцелуй Иуды».

Ах, Слепышев, Слепышев…

А.С. Слепышев. Пейзаж. 1973.

А.С. Слепышев. Икар. 1974.

А.С. Слепышев (1932–2016). Уличная сценка (Мария Магдалина). 1978.
Холст, масло.
Музей «Новый Иерусалим»

26 марта, 78

О выставке на ул. Вавилова.

Выставка четырех: Михаила Иванова, Владимира Вейсберга, Павла Никонова, Кирилла Мордовина.

Все четверо присутствовали: темноглазый, красавец — издали — Никонов; высокий, сутуловатый, светлый Иванов, которого я приняла было за Вейсберга; Вейсберг — большой, грузный, толстый, неподвижно сидящий, в черном; Кирилл — худенький, с темным узким лицом, в черных сапогах, куда заправлены синие брюки, похожий на солдата.

Я подошла, представилась Кириллу, которого узнала по портрету, написанному Р.М. Закиным. Среди иных вопросов спросила, по какому принципу отобраны работы на выставку.

— Почти всё, что здесь, написано в последнее время, за два сезона, — ответил он. — Я раньше был и кубист, и сезаннист, а теперь решил писать так, будто я ничего не умею. Это «не умею» и выставил.

Подошел Вейсберг, которого я ждала с трепетом. Заговорив с ним, покраснела: от смущения и от сознания, что мастер такой большой и что оказался он таким — старым одесским евреем. Через несколько минут была готова любить и опекать его: чудный, хитрый, живой, лукавый и — простодушный, как всякий настоящий художник.

О нас он знал, ему говорила Е.Б. Мурина, знал, что мы приютили работы его приятельницы Фрадкиной, которая — в Доме престарелых. (Мы не хотели брать работы Фрадкиной и до сих пор не вывезли их от Е.Б. Муриной, теперь, ради Вейсберга, — придется!).

Он был рад, что его работы могут попасть в музей:

— Я ведь к смерти готовлюсь…

Я — искренне:

— Да что Вы говорите, ну как можно!

Он — печально:

— Да… Скорая приезжает, уколы (пальцем — на вену) делают. Детей нет, жена болеет. Надо пристраивать работы, пока жив.

23 мая, 78

В Вейсберге — смесь чистого детства с тысячелетней еврейской умудренностью. Когда-то я писала, что настоящие евреи — только в Одессе, остальные притворяются. Вейсберг настоящий одесский еврей.

У него дома меня поразила чистота и свет в мастерской, стерильная белизна моделей — его кубов, призм, Венер, раковин. Стояло огромное мягкое кресло с гермами на локотниках, мольберт. Много табуреточек, больнично-белых, крашеных. На стенах, в два яруса, — его натюрморты, лучшие, из последнего периода.

Владимир Григорьевич Вейсберг (1924–1985). Обнаженная.

Часто звонил телефон.

На Вавилова, на выставке, посетитель, из вездесущих, которые всё хотят знать, но не налетом, а в сути, изводил авторов вопросами. Вейсбергу он говорил:

— Это у Вас, как я понимаю, идеальный, потусторонний мир. Такой идеальный… Неземной. Так и в спиритуализм можно впасть, а?

Вейсберг, испуганно:

— Я не знаю! Я этого не думал! Я простой. Простой советский человек!

Посетитель, обиженно:

— Ну… Я — серьезно. Вот женщины у Вас — с закрытыми глазами. С опущенными. Все. И обнаженные — в дымке, как под вуалью. Женщины же плоть имеют, кровь. У Вас — иной мир. Неземной. Я понимаю: гармония, красота. Художнику трудно в этом мире, я понимаю, — где трамваи, очередя… Но неужели Вам не хочется все-таки сорвать вуаль с женщины, распахнуть окно в этот, земной мир, в солнечную поляну, к детям, резвящимся на траве!

Такой песенный попался посетитель…

Вейсбрег, комически:

— Я ничего не знаю. Я простой!

Кирилл Мордовин, чеканя фразы:

— Знаете, гражданин, он (кивок на Вейсберга) всю жизнь это окно — заколачивал. Еле под старость заколотил. А Вы говорите — распахнуть…

31 мая, 78

У Вейсберга мгновенная реакция. Мы пришли к нему с розой, он, открыв дверь, вспыхнул и сказал: «Спасибо!» — мы и за порог еще не переступили. Руку мне поцеловал и в щечку тоже. Стал показывать акварели, — рука дрожит.

— Я волнуюсь, вот — руки дрожат!

Жена его потом сказала грустно:

— Мы вниманием не избалованы.

Очень красивая у него жена, глаза темные, печальные и лучистые. И любит Вейсберга — благоговейно.

Мастерская у него не такая уж стерильная.

Трещина на потолке…

В.Г. Вейсберг. Обнаженная. Бумага, акварель

Владимир Григорьевич Вейсберг (1924–1985).
Фото в мастерской

С. 28.
Вейсберг В.Г.
Портрет жены Галины Михайловны Вейсберг. 1977.
Холст, масло

1 июля, 78

Слепышев звонил:

— Ну, куда Вы опять пропа-али?

Я очень ему обрадовалась. Он с 20 мая на даче, я давно его не видела. Звонил, разумеется, из-за денег: мы до сих пор не заплатили его теще за Серебрякову и ему за «Московский дворик», «Марию Магдалину» и рисунки. Все равно — приятно, что звонит.

— Ну, приезжайте! На речку пойдем… Я столько всего написал! «Брак в Кане» написал, «Суд Париса» и еще (стал объяснять). Когда холодно было, всё писал… И я решил, что рамы к моим картинам должны быть на уровне живописи…

— Наконец-то я слышу слова не мальчика, но мужа!

— Да! Сам буду рамы делать и — расписывать! Только денег нет…

— Сделайте одну, а мы посмотрим: стоит ли Вам деньги переводить!

О рамах речь идет давно. Всё началось с работ А. Гросицкого, отобранных на выставку в Истре. Слепышев разбранил тогда окантовку работ Андрея Борисовича — в пух! Гросицкий сначала растерялся, а потом всё переделал. Мы специально пригласили Слепышева — смотреть.

— Ну, вот так и должно быть, — сказал он удовлетворенно.

С тех пор я не упускала случая попрекнуть его собственными рамами — ужасными, из казенного багета. Он оправдывался занудным голосом:

— Вы знаете, сколько это стоит?

8 июля, 78

На прошлой неделе снова звонил Слепышев.

— Вы меня обманули — не приезжа-аете!

— Да я болела!

— Какая болезнь, если Вы — бегаете…

— Написали что-нибудь?

— Написал! «Блудного сына» написал. А теперь всё лето буду писать — знаете что? «Избиение младенцев»!

— Ну, молодец! Только не берите, ради Бога, маленький формат, тесно будет.

— Где же я большой возьму? 50 на 80!

— Это нормально. Прекрасный формат, у нашей «Магдалины» такой, самое то.

Потом мучилась мыслью, что разговор этот мог быть ему неприятен.

Боюсь чего-либо, похожего на манеру поучать художника.

А..С. Слепышев. Блудный сын. 1978. Холст, масло.
Общий вид и фрагмент

Тонус у него был ниже, чем в предыдущий телефонный разговор. Меня всегда поражали оттенки его настроений, очень тонкие, но ясно слышимые.

9 июля, 78

Слепышев приезжает в Москву с дачи два раза в неделю — за продуктами.

— Сейчас на рынок пойду, морковки куплю, петрушки…

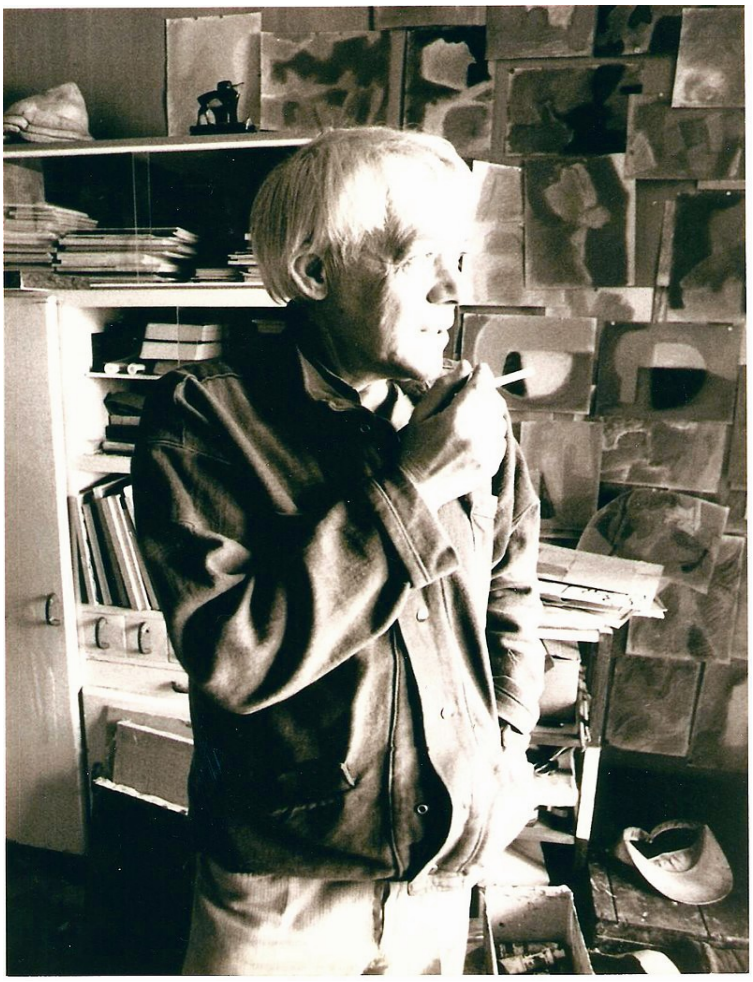
— Это из деревни в Москву — за петрушкой?!

— А как же! Знаете, к Алексею Каменскому друзья приехали из Парижа. Он их на дачу пригласил. Ну, перед отъездом идет он на рынок, салат покупает, то да се. Французы в изумлении:

— Альоша! Зачем Вы это делаете? В деревне всё такое свежее!

— Видите ли, — отвечает Каменский, — после зимы опасно переходить сразу на всё свежее. Я сначала несвежую зелень ем, а уже потом, когда привыкну, — свежую!

Я очень смеялась. Совершенно в духе Каменского был ответ. Если и анекдот, то — похоже! Хотя какой анекдот может быть…



Алексей Васильевич Каменский (1927–2014).

20 июля, 78

Снова звонил Слепышев, меня не застал, пытал всю канцелярию о своих деньгах. Я на него обиделась — ужасно!

Сегодня с утра звонил еще и племянник Варвары Тихоновны Жегиной-Зоновой по тому же поводу. Этот терзает нас уже несколько месяцев с убийственной педантичностью. Трудно сохранять спокойствие и любезность в подобных ситуациях. Интересно вот что: мы единственный в зоне видимости музей, покупающий в течение 2–4-х месяцев, то есть для музея очень быстро. Не скажу, что нетерпеливые владельцы попадаются часто. Племянник у Жегиной уникальный. Иногда я даже ловлю себя на грешной мысли, что он хлопочет о своем наследстве. Но понять и простить Слепышева трудно. Я понимаю: он начинает добиваться своего у государства, для него любое государственное учреждение — сила враждебная. И мы в этом случае для него — тоже государство, как бы он к нам ни относился.

Конечно, выбора у него немного.

— Господи, — говорю я ему, — да кто у Вас что-нибудь возьмет, кроме нас, глупых!

— Никто! — ликует Слепышев. — Тем более, ценить должны!

Далее идут рассуждения о том, что он — лучший наш художник.

Я понимаю: государство перед ним в долгу. Но разве трудно нас — пожалеть! Ему, свободному художнику, нас, подневольных, пожалеть? Ему, гордому, нас, бесконечно унижаемых, пожалеть? Ему, такому взрослому, нас, еще наивных, пожалеть?

В непостижимой глупости, тупости, низости нам приходится не только существовать, но изыскивать силы для собственной высоты, чистоты и — для Дела. Неужели же так трудно нас по-человечески пожалеть и — дополнительно — не мучить?

Чем я занималась сегодня после звонка племянника Жегиной? Уговаривала бухгалтера.

Наш бухгалтер Лидия Алексеевна добрейшая женщина, но до предела замороченная. У нас работает по совместительству. Мы — головной музей Московской области, плюс четыре филиала, общий штат более 100 человек, денег мы реализуем уйму, точно не знаю, но около 300 000 рублей в год. По 5-й статье (научные расходы) — 70 000 рублей. Оклад бухгалтера — 80 рублей. Работы, словом, хватило бы на двоих. Подступиться к Лидии Алексеевне очень трудно, она вечно считает, печатает, пишет. Каждый вопрос приходится повторять несколько раз, пока в глазах у нее за очками не появится осмысленное выражение. Говорит обрывками фраз; сняв очки, трет глаза, смеется и машет руками:

— Всё забыла, всё забыла, ничего не помню!

Я считаю, что с бухгалтером нам — повезло. Но она бесконечно путает и действительно забывает.

У вдовы Юрия Анненкова, удивительной, но невменяемой уже старухи, мы купили старый Жостовский поднос: лукавый дернул меня вытащить его из-под настольной лампы и уговорить сестер, живущих в коммунальной квартире на старом Арбате, продать в музей. Оформили документы, в конце года все счета были оплачены, мы и думать забыли о подносе. Вдруг приходит письмо от сестер. Жалуются. Почти год прошел, а денег всё нет, верните поднос хотя бы. Мы в ужасе бросаемся к Лидии Алексеевне. Обещает посмотреть. Находит документы и счет. Неоплаченный. Сумма мизерная: 35 рублей. Не до того, когда тысячами ворочаем…

Т.Б. Александровой Лидия Алексеевна перевела на 500 рублей больше, бедной старухе пришлось переводить их нам обратно.

Т.Б. Александрова(1907–1987). Концерт. 1930-е.
Музей «Новый Иерусалим»

С. 32
Т.Б. Александрова (1907–1987). В детском саду. 1930-е.
Музей «Новый Иерусалим»

Т.Б. Александрова (1907–1987). Павлин. 1973. Бумага, пастель.
Музей «Новый Иерусалим»

С. 36.
Т.Б. Александрова (1907–1987). Пейзаж. 1930. Акварель.
Музей «Новый Иерусалим»

Д.Д. Жилинскому бухгалтер недоплатила 500 рублей, не хватило денег в конце квартала. Перевести долг, по-моему, забыла, а я забываю спросить. Иногда перепутает адрес, и деньги возвращаются обратно. Если учесть, что сидит Лидия Алексеевна на своей основной работе в охотхозяйстве, а у нас только появляется, то…

Короче, Слепышев мог бы нас и пожалеть!

Но с Лидией Алексеевной, в конце концов, поладить можно. Это утомительно, но не унизительно. Ладить надо еще и с Маргаритой Георгиевной Артемовой, главным хранителем, которая должна принять экспонаты в фонд и поставить на учет, иначе платить за них — нельзя. Ну, уж тут… Комплектование-то наше — работа внеплановая! По плану — только переинвентаризация фондов, экспонаты не принимаются и не выдаются.

Так вот, с М.Г. Артемовой я тоже сегодня говорила. Просила принять в фонд работы Слепышева и Серебряковой. Ну, и среди прочих приятностей я сегодня правила структуру будущей экспозиции нашего музея, которая, разумеется, не устраивает наше начальство в Управлении культуры. Править нужно было так, чтобы в теме: «Строительная деятельность патриарха Никона» не было слова «патриарх» и слова «Никон**».** Нина Борисовна Соловьева от этих слов теряет дар речи, и ничего, кроме гневных звуков, издать не может.

Ах, Слепышев, Слепышев! Не нужно ни мученических венцов, ни признательности, ни особого уважения, ни, тем более, любви, но как нужно, чтобы хоть кто-нибудь — пожалел.

25 июля, 78

Снова звонил Слепышев. Я ждала. Письмо, которое отправила ему, было, конечно, искренним и для меня самой — внезапным, но все же и провокационным: как откликнется, что скажет? Всегда у меня к Слепышеву самый глубинный изнаночный интерес. Но написано письмо — от обиды, и он почувствовал это, конечно.

Первыми моими словами было:

— Письмо — получили?!

— Получил.

Пауза.

— Ругаете Вы меня в письме. А деньги скоро будут?

— Анатолий Степанович!

— Да что мне деньги?! Чихал я на деньги! Их нужно иметь, чтобы от них — не зависеть!

Первый раз он заговорил о деньгах — серьезно. На мое:

— Целее будут, — сказал:

— На что мне они — целые? Какие книги в Москве были — о-о! От 10-ти до 60-ти, распродажа в магазине после ярмарки…

— Да уж, наверное, нет?

— Наверное, уже нет…
— А что было?
— Да всё было!

5 августа, 78

Неделю назад ездили к Слепышеву. Дача — деревянный дом в с. Дмитровском, дорога от Петрово-Дальнего мимо пансионатов за высокими оградами. Кивая на них, говорят: «они». В селе — храм (действующий), магазин, бревенчатая изба с табличкой «Клуб», памятник, — наверное, воинам, — в виде девушки с косой (не в руке).

Дачников много, снуют машины и мотоциклы.

Дом, который Слепышев снял за 200 рублей на лето, — небольшой, с верандой, сенями и двумя крошечными комнатками, отданными дачникам. Хозяйка-старуха жила здесь же, за дверью, ведущей из сеней. В большей комнатке стояли стол, кровать («Это мое ложе», — сказал Слепышев), шкаф типа буфет. На стенках висели фотографии, в углу — иконы («Ничего музейного», — заверил Слепышев). На стенке по сторонам двери — новые картины: «Избиение младенцев», «Возвращение блудного сына». У стола — портативная газовая плита, здесь варили еду. Пахло газом, жужжали мухи, вещей было больше, чем места для них, мне сразу стало скучно и захотелось выйти на воздух.

На веранде казалось чуть просторнее и светлее, стояли два стола, диванчик, лавка, этюдник с маленьким начатым холстом («Мужики дохлятину делят», — прокомментировал Слепышев и показал рисунок). Газом пахло и на веранде, мух было еще больше. Я забилась в угол дивана и мрачно думала: «Бедный Слепышев».

Люда потом сказала:

— Конечно, всё ужасно, но он работает, ему — легче.

Слепышев не показался мне особо обрадованным нашей компании, он был таким, как в московской мастерской, и весь его подъем-прилив я ощутила только после мягких, усмешливых слов его жены Лены:

— Толя, спустись, пожалуйста, на землю, вынеси мусорное ведро.

По его реакции на это — замедленной, я поняла, что Слепышев действительно воспарил: на любое наше слово он отзывался молниеносно и, вопреки обычному желанию перечить, — в тон. Простоты, чистоты, почти святости были преисполнены его речи, журчавшие целый день, не переставая.

— Непонятно, почему говорят о плохом характере Слепышева, — сказала Люда.

Действительно, Слепышев был в тот день, — хоть к ране прикладывай. Чистой воды лиризм лился из его уст и глаз. Лиризм, не ос-

кверненный ни иронией, ни обычной занудливостью и бранчливостью.

— Как он сказал о счастье, — не побоялся, — вспоминала Люда. — Мы так не скажем, хихикать будем…

— Видите ли, — ответила я. — Слепышеву святые трюизмы в экзотику. Он произносит их — редчайше и потому наслаждается, не стесняясь.

О счастье было сказано, что оно — в любимом деле.

Все эти разговоры велись на обрыве за полем, откуда открывался вид на реку Истру и дальний лес.

— Кажется, можно полететь… — проникался Слепышев. — Человек ведь может летать, только не умеет.

Я лежала на одеяле, прикрывшись от ветра городковской шалью, слушала всё, как сквозь сон. Говорили об искусстве, о немецкой выставке конца-начала века, о том, что картина должна быть СДЕЛАНА, о Поленове, Перове.

— Я зашел недавно в Третьяковку, ну, и кто — художник? Перов. Как здорово в «Чаепитии в Мытищах» — всё сделано до конца, всё-всё-всё! А вот в Музее Востока выставка была — ну, где Волковых много было, — так знаете, что — обалденно? Верещагин! Единственный!!! Остальное — мура какая-то, тяп-ляп, этюды!

Чувствую легкое смятение девушек. Он знают Слепышева достаточно, чтобы понять — ни грана фразы, всё всерьез и страстно.

— Как Вас идея завершенности пленила вдруг, — сказала Madam мягко.

— Давно уже, — пробормотала я.

Действительно, это я от Слепышева слышала не впервые.

— Передвижники не умели писать картины, — заявил он как-то. — Что такое Суриков? Это гениальные этюды, приклеенные друг к другу. Импрессионисты отказались от картины совершенно. И сейчас никто не понимает, что такое картина. Кандинский понимал, он этого всегда хотел, и это — делал, но тоже не вышло, картина не может быть нефигуративной…

Я всё это понимала, но думала, как в анекдоте: «Есть где, есть с кем, есть чем, но зачем?!». И сейчас не понимаю, зачем — картина.

Говорили о сглазе:

— Это и научно объяснимо, — заверяла Madam. — У человека есть силовое поле, и его можно нарушить, сдвинуть.

— Конечно, — охотно согласился Слепышев, — это всё правда. Я и сам умею, я знаю, только не всегда получается, я не умею этим управлять. А случайно — бывает.

Говорили об искусствоведах в штатском, о японцах.

— Странные такие, — рассказывал Слепышев, — бутылку коньяка принесли, но никто и не притронулся, смотрели картины совер-

шенно молча и, словом не перекинувшись, ушли. Наверное, не понравилось ничего.

— Нам этого не понять, — объясняла Madam, — у них нормы поведения совсем другие.

Последовала характеристика из «Ветки сакуры». Я всегда сникаю, когда разговор доходит до «Ветки сакуры».

Говорили о рисовании.

— Все умеют рисовать, только бояться, — начал Слепышев. — Когда я в школе работал…

Девочки:

— О?

Слепышев:

— Да, после Суриковского. Я ведь не сразу в Суриковский поступил. И в юридическом учился, и в сельскохозяйственном… А когда поступил — себя не помнил от счастья. Всех слушал, что ни говорили, и рисовал, рисовал… В Суриковском учат — жуть! До натурного класса еще ничего, а потом — бежать надо. Всё из тебя выучат, если и было что-нибудь. Ну, я всегда по-своему рисовал. Поэтому Жилинский и…

Я:

— Ради Бога, хватит о Жилинском!

Слепышев:

— Я и не говорю… Когда в школе рисование преподавал, я им сказал: рисуйте как угодно и что хотите. Вы сами всё умеете, ничего не бойтесь. А парни были — во! — здоровенные, и все — с ножами. Сначала — никак, а потом — рисов-а-али! Я собирал и хранил долго… Обал-деть! Были такие, — тон чувствовали, как, знаете, некоторые — музыку, вроде слуха у них на тон чутье было. До того разохотились, — однажды два последних урока рисование было, я их и отпустил, чего сидеть. Так они к завучу ходили жаловаться, почему рисования не было!

Господи, о чем только не говорили…

8 августа, 78

В этой клоаке, именуемой государством, много людей, отстраненных от нее внутренне, но так мало тех, кто отстранен полностью, то есть почти полностью, совсем — нельзя. Мне кажется, что мое чувство к А.Б. Гросицкому преисполнено нежности еще и потому: он незапятнан, чист и помыслом, и действием, неприкасаемостью своей к мерзости, нечистоте, пакости, грязи, гадости Государства. Невозможно представить А.Б. Гросицкого, рисующего что-нибудь для комбината. Этого просто не может быть. Работает он в Заочном университете искусств, его письма-рецензии студентам, возможно, каноничны, но в высшей степени профессиональны, в них он такой же строгий и тре-

бовательный художник, как и за мольбертом. Я не знаю точно, какая у него зарплата в университете, рублей 150, наверное. Больше он своей профессией не заработал, по-моему, ни копейки, если не считать закупки в наш музей. Какую-то работу взял у него коллекционер Санович (фамилию надо бы уточнить), но так и не заплатил. Это бескорыстие, такое у А.Б. Гросицкого натуральное, то есть, действительно идущее от натуры, от невозможности иначе, — вызывает чувство особой нежности, как к редкому чудесному цветку.

В.Г. Вейсберг сказал об А.Б. Гросицком:

— Это — честно.

В устах Вейсберга такая похвала — самая серьезная.

Не знаю, напишут ли о Вейсберге когда-нибудь так, как есть. О живописи — да, о нем самом — не знаю. Мне писать о нем очень трудно, потому что чувствую слишком большую ответственность.

В последний раз мы были у него на той неделе, ездили менять одну акварель из серии «Обнаженные» на другую.

Мы привезли с Людой на закупку 14 акварелей. В музее они не понравились. Странно, как по-разному видят даже соратники! Всё больше слоняюсь к мысли, что настоящую, цельную и равнокачественную коллекцию живописи может собрать только один человек, иногда — двое единомышленников, но не больше. В высшей степени порочны методы отборов, утверждений и прочих решений коллегиально, комиссиями. Говорю, конечно, не о своем музее, а о практике государственных закупок вообще. В основе всех наших музеев — частные собрания, и часто только они имеют лицо. Всё остальное — официозно, просто государственно или безлико.

Не случайно все известные мне серьезные коллекции современной живописи комплектуются единовластным началом: Пушкарев в ГРМ, Савицкий в Нукусе, директорша из Архангельского музея.

Так вот, акварели Вейсбрега не понравились. Начиная от вопроса М.Г. Артемовой: «Зачем так много?», кончая безапелляционным заявлением Натальи Савко: «Это дилетантски».

Madam имела оскорбленный вид, воскликнув в объяснение: «Они (обнаженные. — *Г.З.*) как деревянные!». Когда я решительно сказала, что не все так считают, Madam запальчиво обвинила: «Ну, значит, у них глаз нет!». В безглазые вместе со мной, грешной, а также Людой, попал и любимец Д.В. Сарабьянов. Я уж не стала травмировать Madam примерами, потому что попал и А.Б. Гросицкий, которому акварели тоже понравились.

Раньше я, наверное, обиделась бы. Не то что обиделась, но было бы — больно

В.Г. Вейсберг. Обнаженная. 1972.
Бумага, акварель

Теперь, после двух лет (вру, полутора лет) собирания живописи мастеров живущих, я не только научилась немного видеть живопись (немного, но и этого не было, кафедра наша видеть не учит совсем), но, что, наверное, важно, видеть индивидуально.

По счастью, наши с Людой виденья идеально совпадают. Я не принимаю особо всерьез похвалы художников, которые неизменно следуют за нашими отборами. Я достаточно трезво оцениваю и дифирамбы, сказанные в наш адрес на выставке-однодневке. Я не склонна преувеличивать ценность и значительность нашей маленькой коллекции. Но я уверена в одном: она интересна не только работами как таковыми, но и (а может, прежде всего) личностным, почти интимным выбором именно этих работ именно этих художников.

Случайности тут очень мало. Мы ничего не взяли у А. Тяпушкина, В. Ратнера, Е. Струлева, Н. Чаругина (это из тех, кого рекомендовали нам сами художники).

Хорошо сказал Д. Шаховской: «Эти девочки позволили себе право быть необъективными. Право любви».

Любовь стала и нашей броней. Пока есть в своих подвалах Мастера, — мы неуязвимы. Даже для государства.

Что касается моих сотрудников, то здесь часто срабатывает тот же эффект любви. Я заметила, что к художнику лично знакомому относятся лучше. Пример: Наталья Савко после визита к Слепышеву.

Думается, что в заявлении Madam была (неосознанно) обида обойденности. Если бы её взяли к Вейсбергу, реакция на работы была бы, наверное, иной.

Но брать мне никого не хочется. Хочется хоть немножечко, хоть чуть-чуть личностного, авторского собирательства… И скажу откровенно: тщеславия в этом нет.

Одна из акварелей Вейсберга не нравилась мне самой. Она выпадала из ряда, резала глаз. Решили заменить. Я позвонила Вейсбергу. Он спросил сразу, не успела я объяснить, зачем звоню:

— Что, ничего не получилось?

О, эта вечная самозащита: не верить, чтобы не разуверяться, сказать о себе плохо, чтобы не слышать худшего…

— Да нет, пока всё в порядке, закупочная прошла хорошо. Только одна акварель не понравилась. Можно ли поменять?

— Можно! Сколько хотите!

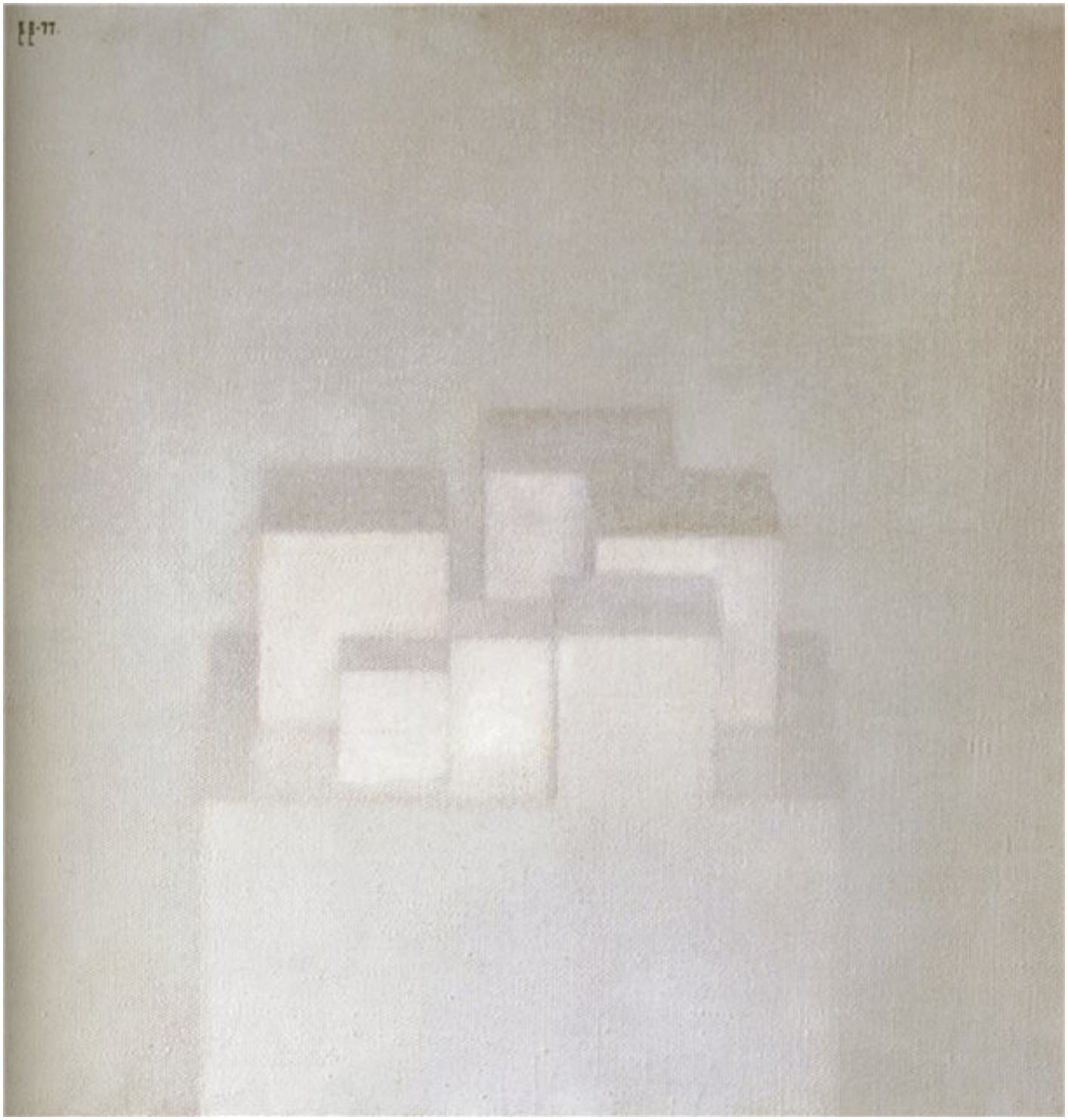
Поехали с Людой к Вейсбергу.

Я спрашивала его: какого художника он — любит.

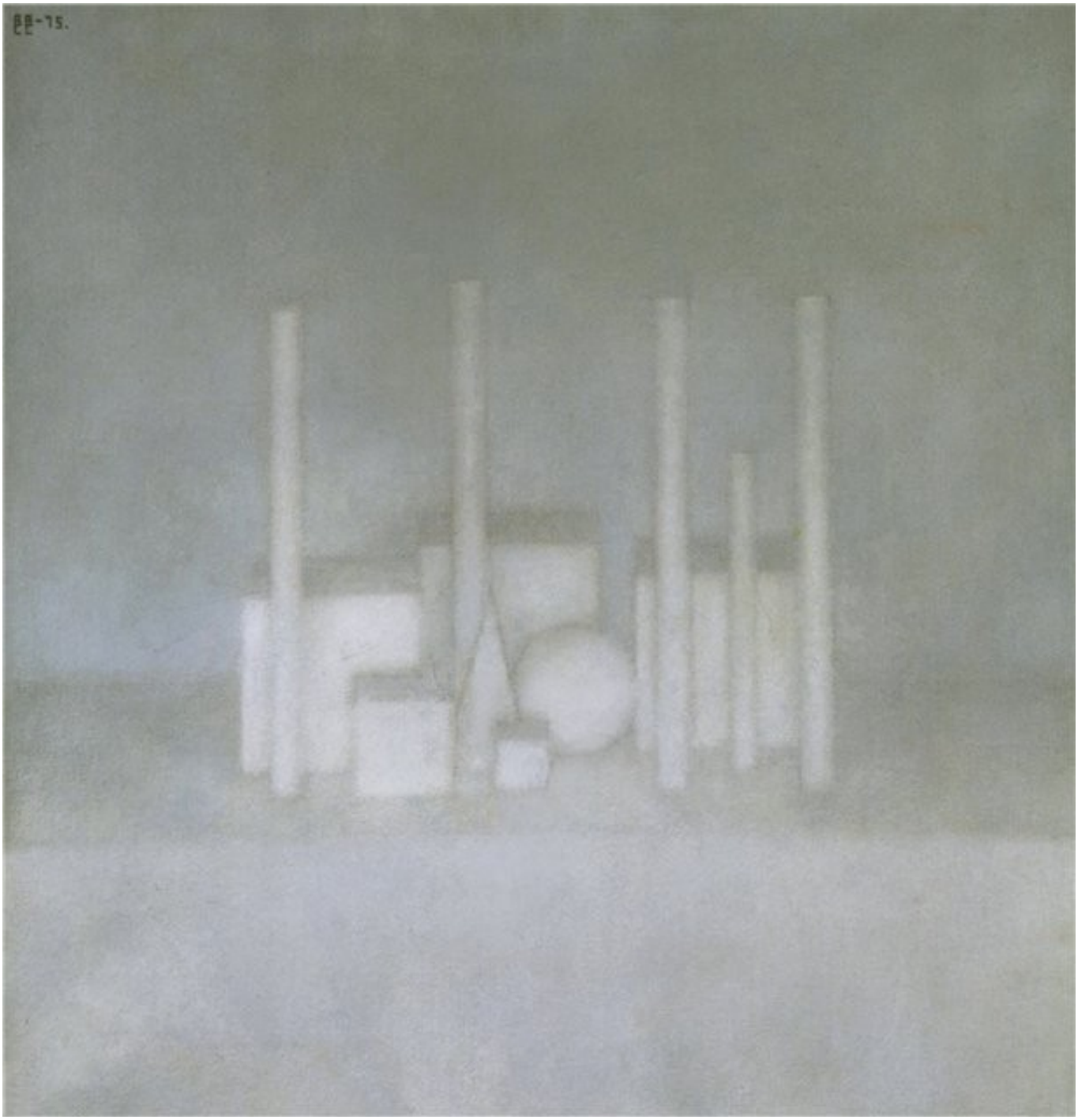
— А никакого! Серьезно. С возрастом — никого. Отдельные работы разве. У Тициана — один портрет, невеста, помните? У Рембрандта, может быть. А чтобы всё — никого. Коро. Коро люблю. Импрессионистов очень не люблю. Ужасно! Серьезно. Они слишком жизнь любили. Женщин — любили! Ужасно!!! (Засмеялся).

— Владимир Григорьевич, а из современных художников?

— Не знаю… Я наших художников как делю? На кто убивал и кто — не убивал. Многие убивали… Даже Фаворский — умирая, исповедовался, что самый тяжкий грех у него был, когда руку поднимал, голосуя… Вы знаете эту историю? Ну вот, был художник один — тогда, и о нем сказали, будто тень от Сталина на портрете — в виде смерти. Да… И собрание было. Одни говорили, что видят смерть, другие — не видели. А Фаворский проголосовал, будто видит. Художника того — убили. А Фаворский исповедовался, что грех на душу взял. Это точно было, да…



В.Г. Вейсберг. Кубическая композиция. 1977.



В.Г. Вейсберг. Композиция с кубами, шаром и колоннами. 1975

Владимиру Вейсбергу

Два натюрморта Вейсберга
С нимбами из ресниц
Непостижимо светятся,
Хоть простирайся ниц.

Цвета процвета вербного
Длинный-предлинный взгляд.
Словно полотен Вейсберга
Горизонтальный ряд.

Эти глаза — из вечности.
В мире метаморфоз
Ведомы им, как Вейсбергу,
Магия и гипноз.

3 июня, 78

ДОКУМЕНТЫ
28 декабря 1977 — 1 сентября 1978

Поздравительная открытка В.А. Волкову от 28 декабря, 77.

Валерий Александрович!

Мы всё еще под впечатлением своего визита к Вам. Очень редко случается видеть живопись столь высоких художественных традиций и столь большой наследственной культуры.

Равно как и людей такого нравственного потенциала…

Я поделилась своими восторгами с сотрудницей отдела графики ГМИИ им. Пушкина Верой Николаевной Шалабаевой. Она очень заинтересовалась графическим наследием А.Н. Волкова. Буду рада, если наши взаимные контакты принесут плоды.

В январе мы непременно созвонимся с Вами и Сашей. Выставка наших новых поступлений предварительно намечена на I квартал 1978 года. Очень хотелось бы, чтобы на ней были и работы всех трех Волковых. Крепкого Вам здоровья, яркой палитры, светлого духа.

Кланяйтесь Вашей милой жене.

До встречи, Галина.

Поздравительная открытка Д.Д. Жилинскому от 28 декабря 77 г.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Всех Вам благ в Новом году… Вы производите впечатление очень гармоничного человека, и береги Вас Бог от стихий!

Мы имели возможность перевести Вам деньги в конце 1977 г., но решили сделать это в январе 1978 г., а сейчас оплатить счета молодых авторов, вдов и стариков, у которых мы покупаем работы 20-х — 30-х гг. Надеемся, Вы не обидитесь на нас за это.

Очень хотелось бы посмотреть внимательно рисунки Н. Жилинской и, если можно, отобрать их для закупки.

Пишете ли Вы «Жасмин»? Не забывайте о нас, пожалуйста!

До свидания, Галина

Поздравительная открытка А.В. Щекиной-Кротовой от 29 декабря 77 г.

Милая Ангелина Васильевна!

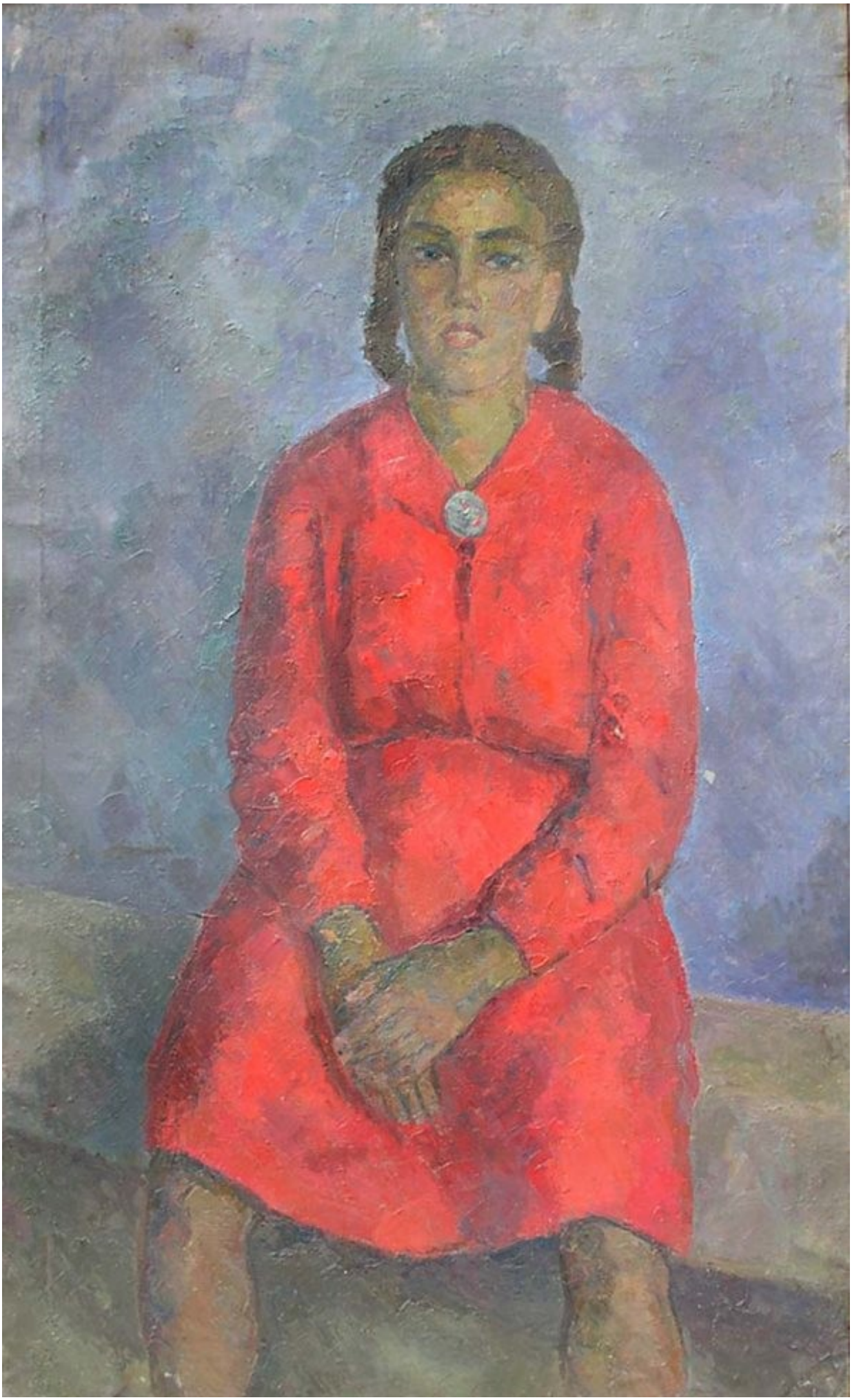
Поздравляю Вас с Новым годом! Крепкого Вам здоровья и неустанной энергии на благо нашего общего дела. Очень хорошо, что есть такие женщины, как Вы, — вечные декабристки. Мы Вам — завидуем!

В I квартале нового года планируем открыть выставку новых поступлений. Надеемся за это время оплатить счет за работы Р. Фалька.

До свидания, Галина

Р.Р. Фальк. Девушка в пейзаже. 1923. Холст, масло.
Музей «Новый Иерусалим»

Р. Р. Фальк. Портрет Валерия Фалька. 1930-е. Холст, масло.
С. 50. Портрет девочки в красном. Молдова. 1952. Холст, масло.
С. 51. Танцующий индус. 1931. Бумага, пастель.
С. 52. Безумная невеста. 1930-е. Бумага, пастель.
Музей «Новый Иерусалим»



Поздравительная открытка В.И. Павлову от 29 декабря 77 г.

Славонька, помоги тебе Бог!

Ты прямо луч света в темном царстве. Я лежу в постели (одна!), и болею. Ужасно!

Много думаю об Игоре. Не надо ничего понимать… Мы хотим человека — разъять. Это жестоко. Если было, — значит, должно было быть. И чем больше в нем было разного, — тем лучше!

Когда оклемаюсь, позвоню.

Галина

Поздравительная открытка Славе Ратнеру от 29 декабря 77 г.

Милый Слава!

Очень тепло вспоминаем Вас, Ваши работы, Вашу маму и — крольчонка. Хотя Анатолий Степанович и подозревает, что нам в Вас что-то не понравилось, но это он так, от ревности. Нам всё очень понравилось!

Художник Вы самостоятельный и цельный и, верим, сделаете еще много интересного.

Приезжайте к нам! Хочется побродить, поговорить. Привозите Слепышева, а то он сам не соберется.

Большой привет маме и крольчонку, надеемся, все в полном здравии.

До встречи, Галя.

***

Поздравительная открытка А.С. Слепышеву от 30 декабря, 77 г.

Наступающий год
по японским поверьям — год Лошади.
(Из газет)

С Новым годом, подполковник
Живописных войск! Угодник
Дам музейных и мирских,
Вдохновитель и поклонник
Самого себя! Ab hinc[1]
Разрешите генералом
Величать Вас и бокалом,
Словно поднятым забралом,
Вас приветствовать! Достойны
Высших званий Вы за войны,
Покорившие и нас…
Дай Вам Бог веселых глаз,
Легкой кисти, светлых дней
И квадригу лошадей!
Недостойная Галина,
Нового Ерусалима
настоятельница Pinx.[2]2.

Анкета В.А. Скалкина

1. **Где и когда Вы родились? В какой семье?**
2. **Когда и где учились, у кого.**
3. **Кого считаете своим учителем?**
4. **В каких выставках участвовали?**
5. **В каком году вступили в Союз художников?**

В семье простых и честных людей, они называются рабочими, родился мальчик, его назвали Виктором. Это было еще до войны, в 1938 г. А когда наступила пора учиться, его с плачем и ревом потащили в школу.

Ему очень не хотелось учиться, но взрослые за уши дотянули его до 10-го класса. Спасибо взрослым дядям и тетям, которые вывели этого дурака в люди.

---

[1] Ab hinc (лат.) — отныне
[2] Pinx (лат.) — писала

Затем не без помощи хороших и добрых знакомых его всунули в Училище 1905 г.

На второй год учебы прекрасный рисовальщик и хороший учитель Люциан Александрович Шитов поставил вопрос об исключении своего талантливого ученика из училища, за талантливую композицию. А когда буря прошла, он всем говорил, что нужно всем смотреть, как работает Скалкин.

В 1966 г. этого талантливого молодого человека Правление МОСХ приняло с возгласами «ура» в Союз художников.

Далее, то есть с 1966 г., его то снимают, то вешают на разных выставках, а он это с терпением ест и работает.

Простите за столь бездарное эссе.

С приветом,

В. Скалкин

Из письма Е.Н. Гросицкой. Январь, 78

…Очень долго я не воспринимала работы Андрея в новом плане, вероятно, своими репликами даже оскорбляла его, но постепенно его сильное мастерство меня покорило…

Евгения Николаевна Гросицкая

Из письма к Е.Н. Гросицкой от 5 февраля, 78

Милая Евгения Николаевна!

Не знаю, заслуживаю ли я тех слов и чувств, которые Вы мне дарите…

Все мое Андрею Борисовичу — должное, у него взятое и ему — возвращенное. Долги столь велики, возможности ничтожны. Из мастерских всегда уходишь, приняв исповедь. За 2–3 часа узнаешь так много — всю чужую жизнь. И если творчество художника близко, то возникает острейшее чувство родства, любви начавшейся давно, но сейчас — явившейся, как источник из-под земли, где всегда — был.

Родство, вечно обязывающее: младшие братья. В 1953 году, когда Андрей Борисович поступил в Суриковский, я пошла в первый класс. Некоторые из художников могли бы быть нам отцами. Все равно — младшие! Это — трудно… Трагичны уходы из мастерских с любовью, которую, по сути, не во что воплотить. И невыносимо сознание собственной жестокости, когда их — ранимых, младших — судишь высшим судом и требуешь ответа на «Что есть истина?». Но как не судить, если надо оставить их для вечности. И как не спрашивать, если больше — не у кого?

А.Б. Гросицкий. Портрет мамы. 1958. Холст, масло

И, конечно, наибольший счет — себе. Достоин ли дела, которому служишь? Мастера, которого — любишь? Благодарности, которую — принимаешь? Не всегда хватает наличности, чтобы счета эти — оплатить.

Мучительно знать, что мое знакомство с работами Андрея Борисовича поверхностно, бегло. Было бы великой самонадеянностью сказать, что я их — понимаю. Принимаю почти безоговорочно, некоторые люблю так, будто сама написала, но до глубокого понимания очень еще далеко.

Каждый человек — это мир, и главное свойство его — бесконечность. «Яблоко» я долго воспринимала как символический автопортрет: абсолютная простота и ясность при абсолютной непостижимости.

Сам Андрей Борисович о нем писал: «Тем, кто не воспринимает «Яблоко», можно сказать, что придется в недалеком будущем питаться такими яблоками, — если люди не станут умнее».

Я ответила (письмо осталось неотправленным): «Вы к своему “Яблоку” безжалостны. Оно прекрасно, как планета в первый день творения. Или как в последний. Но — прекрасно!».

«Моей России снегами сожжено оно» — образ совсем из другого ряда, но, наверное, тоже имеющий право на жизнь.

И, наконец, мой университетский товарищ, ныне старший лейтенант и вообще человек от искусства очень далекий, сказал о «Яблоке» так: «Это замкнутый и сконцентрированный в себе мир, внутри которого сосредоточено всё. И ничто не может выйти за пределы его…»

Это уже вселенная.

О «Яблоке» можно написать монографию или поэму, но это не исчерпает его сути. Наверное, высший смысл в том, чтобы его просто — полюбить.

Художник всегда — одаряющий. Один Бог знает, сколь горька и сладостна чаша сия. Великий грех — пренебречь дарами мастера. Мы разучились принимать творчество как чудодейство. Всё кажется, что художник что-то нам не додал…

Хорошо помню свой первый восторг от работ Андрея Борисовича — наивный и радостный. Они вернули мне массу прочно забытых ощущений.

Моя мама работала химиком-лаборантом на Криворожском металлургическом заводе. Когда мне было три года, ей пришлось целый месяц брать меня с собою на работу. Я играла чугунными брусочками — чушками — и очень любила сидеть у машины, которая высверливала в чушках углубления — колючая серебристая пыль шла на анализ. Меня развлекали, показывая в доменных печах отверстия, где кипел огонь… Вкус металла, его запах, цвет, прекрасная и грозная ма-

шина, шероховатая поверхность чушек, их тяжесть, — все это мучило меня, как любовь, заполняя сны и тогда, и многие годы после.

И удивительно было вернуться к этим первозданным ощущениям железно-железного железа, к чувству материальности вещей…

Давно для меня вещи — это понятия. Мысль, движение души, слово воспринимаются намного реальнее и конкретно-чувственнее, чем, например, мясорубка! И, думается, не только в силу моего общепитовского бытия.

Мы все в той или иной степени испытываем ностальгию по вещности вещей, по их исчезающей в заменителях плоти, по таящемуся в них духу. Мы ушли от вещей, природы, Бога и друг друга в свои собственные миры. И приблизить нас к вещам, природе, Богу и друг к другу может только художник. Приближая к нам все это.

Таков, на мой взгляд, первый скол «Мясорубки», «Лампы», «Деталей», «Гири», еще нескольких натюрмортов. Но только первый.

Я, должно быть, утомила Вас. Неблагодарно на Ваше такое эмоционально распахнутое письмо отвечать столь рассудочно! Но — странное дело — я ни с кем, кроме Вас и девочек, не решилась бы говорить о творчестве Андрея Борисовича так свободно. И менее всего — с ним самим. Вечный страх обидеть, сказать глупость или просто не то… Его молчаливое несогласие в тысячу раз страшнее, чем сокрушительные возражения Анатолия Степановича Слепышева или ироническая улыбка Александра Ильича Морозова.

Евгения Николаевна, большое спасибо за приглашение, мы непременно им воспользуемся. Девочки вернулись 14 января совершенно очарованные Вами, Антоном и вообще всем Вашим домом. К сожалению, наш ансамбль временно распался. Люда уезжает в отпуск к родителям в Сибирь, Лена, кажется, выходит замуж. На мне с Ларисой — срочная и запущенная из-за моей болезни работа с архивом и графикой Игоря Ивановича Купряшина. Как только переделаем неотложные дела и соберемся все вместе, — навестим Вас. А если будем готовить персональную выставку работ Андрея Борисовича, о которой ведём сейчас переговоры с одним из наших НИИ, то успеем Вам и надоесть!

Всего Вам доброго, берегите себя,

Галина.

5 февраля, 78

Письмо Е.Н. Гросицкой от 30 августа, 78

Дорогая Евгения Николаевна!

Мне давно бы следовало написать Вам, — потому что давно хотелось этого. Но решиться писать просто так, без повода, очень труд-

но. Знаете, меня в школе считали самой бойкой и часто посылали в учительскую за журналом и т.п. И ни одна живая душа не знала, как мучаюсь я под дверью, пока не решусь войти. Скажу по секрету, что когда я звоню Андрею Борисовичу, то номер чаще всего набирает кто-нибудь другой. Я понимаю, что это смешно, но ничего не могу с собой поделать.

Прошедшее лето было каким-то беспросветным, не помню ни одного чисто радостного чувства. Всю мою рабочую деятельность за это время можно определить карточным термином «пустые хлопоты». Не потому что впустую, а — пустые, без следа в душе. В отпуск меня пока не отпускают, и я даже мысленно не могу представить того ощущения отрешенности от себя, которое испытываешь, лежа в Тихой бухте в Коктебеле.

В музее сейчас готовиться выставка, посвященная первой пятилетке, и мне приходится встречаться с людьми, которые работали в это время. Удивительны люди начала 30-х годов! Поспешно образованные в 20-х, они поражают высокой культурой, нравственной чистотой и бескорыстием почти невероятным для сегодняшнего дня. То ли время было особенное, то ли поколение, то ли всё вместе, но явственное чувство чуда испытываешь, с такими людьми общаясь.

Одна женщина — ей сейчас 73 года — работала в 30-х годах в дошкольных учреждениях, у нее прекрасные фотографии детишек тех лет (я вспомнила Ваш семейный альбом!), — тихий час, обед, концерт в детском саду 30-х годов, очень интересно.

А потом эта женщина до самой пенсии работала в пожарной команде телефонисткой и на общественных началах устраивала музей в г. Подольске. Собрала 1200 экспонатов, вела обширную переписку, сама для себя заполняла инвентарные книги.

На отдыхе в Адлере в местном музее она увидела фото героев гражданской войны на Кавказе, всем написала теплые письма, просто так. Один герой ответил, больной старик, без пенсии, поблагодарил за внимание. Она возмутилась, что он не получает пенсии, стала писать во все инстанции и добилась для него не просто пенсии, а персональной! Этот человек и сейчас ей пишет, я выбрала несколько писаем для музея, их невозможно читать без слез.

Не знаю, во что мы превратимся, когда люди этого поколения уйдут от нас.

Я весной вела лекторий по древнерусскому искусству для школьников, очень хорошие ребята, иногда после лекций мы сидели до ночи, разговаривая «за жизнь». Понятия у них о религии и Боге самые дикие, конечно, а то, что они рассказывают о себе, поразило меня остротой и взрослостью страдания. У них почти нет детских обид и недоразумений. Есть трагическое чувство одиночества и невозможности его преодолеть. Они совершенно не могут общаться друг с другом

на уровне души, бытовой уровень им не интересен, а других уровней у них нет.

Самое грустное, что мы, поколение, идущее перед ними, больны тем же, только у нас (очень немногих) есть искусство — единственное, что спасает и объединяет. Юным же вне искусства остается только быт, делание денег и карьеры, или ничегонеделанье, «балдёж», как они говорят («Выпил, музыку врубил и забалдел»). Самоанализ у них — потрясающий.

— У нас нет ничего всеобщего, — сказала мне одна девочка. — Нет идеи.

Я ответила:

— Бывают времена, когда Бог существует как данность и — Один для всех. Сейчас Бога нужно найти и хотя бы для себя. Ищите…

Милая Евгения Николаевна, если у Вас будет время, возможность, настроение что-нибудь написать мне, — буду очень рада. Я с большим удовольствием перечитываю Ваши письма — в них огромный талант любви и великий запас жизненной энергии. Последнего мне часто не хватает.

Надеюсь, Вы чувствуете себя не хуже, чем весной, когда мы были у Вас. Только, ради Бога, не делайте, пожалуйста, в отношении меня ничего, что могло бы затруднить Вас, сама мысль об этом приводит меня в отчаяние.

Может быть, все-таки нам удастся сделать выставку работ Андрея Борисовича. Только, наверное, без каталога. К сожалению, не всегда получается, как хочется.

Всего Вам доброго, будьте здоровы,

Галя.

30 августа, 78

Письмо В. Ратнера от 10 февраля, 78

Милая Галя!

Очень признателен Вам за Ваше теплое поздравление с Новым годом. Я был рад встрече и знакомству с Вами. Меня очаровала Ваша широта в вопросах искусства. Давно я не говорил с людьми так свободно и интересно на эту волнующую меня тему.

А Слепышев — это великий интриган. Но, строго говоря, искусство совсем необязательно должно нравиться. Каждый зритель выбирает своего художника и каждый художник своего зрителя. Беда, если художник нравится всем.

Кролик наш стал очень резвым, и мы с мамой каждый вечер бегаем за ним и умоляем, чтобы он шел спать на свою кухню. Каждый

вечер — скандал. Однако и он говорит, что девушки, которые нас посетили, были очень милые, и он ждет их в гости

Большой привет Вашей подруге. Желаю Вам больших успехов в сборе коллекции. Вы на верном пути. Никакой банальности.

Всего, всего хорошего! Ваш Слава Р.

***

Новогодняя открытка А.Б. Гросицкого от 11 января, 78

Милая Галя!

Большое спасибо за чудные, прекрасные стихи.

Я растроган и как-то обескуражен, растерян…

Не умею выражать своего чувства в словесной форме — ни письменно, ни устно.

Ждем вас вчетвером 14 января, в субботу, в 3 часа к нам на Бронную. Дом рядом с театром.

Большой привет девочкам.

Вчера вернулся из Рузы, где был с сыном.

11. I.

Письмо А. Б. Гросицкого от 24 января, 78

Милая Галя!

Очень жаль, что не смогли быть у нас.

Как сейчас состояние здоровья? Скорее полностью выздоравливайте.

Большое спасибо за прекрасные стихи.

Когда утром иду в мастерскую по бульварам, — то постоянно повторяю удивительные и простые строки: «Когда художника спросили, зачем так яблоко черно…».

По-моему, Антон воспринял символический смысл посвященного ему стихотворения.

Галя!

Очень прошу прислать окончание самого первого стихотворения. Последняя написанная строка: «и слегка слепит глаза его рука».

Большой привет девочкам от всех нас.

24 янв. 1978

Андрей

…Каждый день смотрю в почтовом ящике — нет ли пакета со стихами…

***

Андрею Гросицкому

Зажгу свечу и по миру пойду.
Подайте грош душе на пропитанье!
И вдохновенно телу моему
Себя предложит пылкое созданье,
Но этот щедрый дар мне ни к чему.

Свечу свою повыше подниму:
Подайте грош душе на пропитанье!
И моему голодному уму
Мудрец протянет плод с ветвей познанья,
Но этот данник у меня в долгу.

Огарок крепче пальцами сожму:
Подайте грош душе на пропитанье!
К ногам моим собрат свою суму
Положит молча. Я его — пойму,
Но этот дар бесценный не возьму.

И догорит свеча. И на звезду
В Молочный переулок забреду
И к Вашей светлой длани припаду.
Души моей примите подаянье,
Души моей примите покаянье.

24 января, 78

Письмо А. Б. Гросицкого от 17 февраля, 78

Милая Галя!

Сегодня разбирал снова свои работы, которые мы отобрали, сидел, смотрел, думал, вспоминал и восстанавливал те внутренние движения, которые выливались в ту или иную работу.

Словом, погружался в прошлое — пусть и недалекое.

И интересно, что время странно сжималось. Скажем, работа сделана в 69 или 70 году, а мне кажется, что я написал ее год–два назад.

Да, все-таки ощущение времени — странная вещь.

Высылаю список работ. Относительно графики не знаю. Может быть, не указывать отдельно каждый рисунок, и в каталоге просто обозначить как цикл.

Андрей

Большой привет Люде, Ларе и Лене[3].

Письмо А.Б. Гросицкому от 21 февраля, 78

Андрей Борисович!

Получила Ваше письмо и списки. Спасибо!

Не все названия ассоциируются у меня с вещами. Но уже ясно, что от хронологического принципа характеристики работ следует отказаться сразу. Линия развития, по крайней мере, в 70-х годах, не выстраивается. Поразительная цельность творчества: все произведения будто куски единого внутреннего монолита. Не зря у Вас возникло ощущение сжавшегося времени. Я бы назвала его единым, однородным.

Я много думала о пространственных и временных категориях Вашей живописи. Интересно бы знать, насколько они у Вас осознаны. Например, отсутствие иллюзорного пространства. В большинстве Ваших работ пространство уплощенное, параллельное плоскости холста, аксонометрическое. Иногда оно развивается не внутрь, а от гладкого нейтрального фона наружу, и тогда изображение входит в пространство зрителя. Наряду с чисто живописными качествами такая система пространственных построений обуславливает очень активную, почти агрессивную силу воздействия полотен. Абстрагированный от бытовых реалий предмет, укрупненный и находящийся как бы перед холстом, обретает качества абсолютного, незыблемого, вечного,

[3] Далее список живописных работ для выставки, которую мы собирались делать в ОВНИИЭМ.

притягивая внимание, завораживая, но оставаясь вещью в себе, далеко не всегда доступной для контакта.

Вот такие черновые мысли. Можно ли делиться с Вами подобными впечатлениями в процессе работы? Я, признаться, чувствую себя в положении школьницы и не хотела бы утверждаться в том, с чем Вы принципиально не согласны. Надеюсь, Вы по мере возможности поделитесь воспоминаниями о «внутренних движениях, которые выливались в ту или иную работу».

Сегодня Люда с одной из наших сотрудниц, муж которой работает в том самом НИИ и через которую ведутся переговоры, поехали на заседание бюро живописной секции МОСХ с письмом от учреждения с просьбой разрешить выставку. Я жду гостей, и поехать не смогла. Сижу и переживаю. Как только прояснится с МОСХ, позвоню Вам или напишу о том, что будем делать дальше.

Витя оставил Люде комплект ключей, вчера она полдня наслаждалась его работами, рассказывает о них много интересного.

Один из дней мы провели у Волковых, окончательно отобрали 28 произведений, из них 19 — отца. Я получила от Валерия Александровича — старшего сына — напугавшее меня предложение написать вступительную статью для каталога персональной выставки, которую ему обещают в 1979 году в Москве или в Тарту. («И там, и там, или не там, и не там», — шутит он).

Сбывается то, о чем я писала Вашей маме: надавали векселей, а платить нечем…

Очень хотела бы познакомить Вас с В.А. Волковым. Он удивительный человек и прекрасный живописец. Жена у него русская француженка, чудная женщина, возит его по свету, они подолгу жили у её родственников во Франции, Англии, были в Северной Африке етс.

Забегали к Слепышеву. Сидит в валенках, с наголо обритой по неизвестным мне причинам головой. Он перед нами провинился и расплачивался едой и вином. Показывал новые холсты и старые рисунки. Среди них — эскиз к фреске (он хочет непременно фреску) «Архипелаг ГУЛАГ». Я расчувствовалась и прочитала ему «Когда художника спросили…». Ничего, не смеялся, выслушал серьезно и просто, без пижонства. У него очень хороший новый пейзаж «Московский дворик». Хотим купить.

Андрей Борисович, а почему Вы натюрморт с белым столом назвали «Стол»? По-моему, на обороте написано «Реквием». Я не ошибаюсь?

Передайте, пожалуйста, Вашей маме, что мы навестим ее непременно, но сейчас я не решаюсь сказать точно, когда. Может быть, в начале марта. Большой привет ей от девочек. Вам, разумеется, тоже.

До свидания, Галя.

Письмо А. Гросицкого от 25 февраля 78

Галя!

Ваше восприятие моих работ очень тонкое и верное.

Очень трудно говорить о своем творчестве. Обычно я долго вынашиваю замыслы, или даже точнее — навязчивый образ, который постоянно и мучительно созревает внутри меня (где? в голове? в сердце? Видимо, и там, и там). Конечно, можно говорить о преобладании рацио над эмоцио, но только лишь о преобладании, ибо невозможно отделить одно от другого.

В последней стадии этого вызревания мне нужен конкретный предмет, в котором находит зримое выражение пока еще во многом подсознательный образ.

Например, задолго до появления «Удивления» меня преследовал образ овала в сочетании с моим деревянным человечком. Этот овал мне грезился то каким-то овощем, то абстрактной овальной формой, то яйцом (которое потом перешел в другую картину), и, наконец, вылился в конкретную форму зеркала.

Если говорить о глубинном смысле моего искусства, то оно в ощущении боли и трагедии всего человечества, его прошлого, настоящего и будущего. Простите за громкие слова, но иначе сказать не могу.

Но не только в этом. Смысл еще в самодовлеющей магии и тайне самого предмета, в его отчужденности от суеты жизни. Смысл — в отсутствии однозначного толкования каждой работы.

Я согласен с Вами, что лучше отказаться от хронологического принципа в анализе творчества.

В некоторых работах рационалистический метод почти необходим. Когда я работал над «Разрезом», то прекрасно помню, что я именно «думал» о том, какого цвета сделать фон, чтобы он был совершенно отдельно воспринимаемым от предмета.

То, что часто затрудняется восприятие моих работ (их неконтактность) — вот об этом я совершенно не забочусь, и, наверное, это плохо. Сказывается эгоизм — лишь бы самому освободиться от навязчивого образа.

Галя! Высылаю «картинки» моих картин, — тех, с которыми может возникнуть трудность в смысле ассоциации названия с самой работой. Думаю, что эти рисунки помогут Вам в работе.

На нашей групповой выставке в МОСХ-е (1976 год) название «Реквием» заменили на «Стол». Как ни странно, оно мне стало нравиться. И потом — раз есть «Стул», пусть будет и «Стол».

У Вити Скалкина мне очень нравятся его задумчивые работы — из циклов «Метро» и «Толпа». Но многие пейзажи мне кажутся слу-

чайными и незавершенными. Впрочем, надо смотреть еще, внимательнее.

Большой привет Люде, Лене и Ларе.

Андрей.

Из неотправленного письма А. Б. Гросицкому. Апрель, 78

…Одиссея с выставкой продолжается[4]. Похоже на борьбу с многоглавой гидрой: одну голову отрубишь, две вырастают.

На основании списков работ сделали (по знакомству!) выписку из протокола якобы состоявшегося заседания Бюро живописной секции. Подписал Папикян, поставили круглую печать. С этой бумагой представитель Института поехал в наше Управление культуры.

Вообразите себе пенсионного возраста даму, стилизованную под старую большевичку, говорящую крайне тихо и бесконечно устало. Это Нина Борисовна Соловьева, зам. начальника Управления культуры исполкома Мособлсовета.

С материнским всепониманием она выслушает вас, побуждая к откровенности, но при случае вашу искренность обратит против вас. У нее нет получаса для утверждения нашего годового плана, но она вечером мчится к нам на управленческой черной «Волге» по случаю предполагаемого приезда в Истру председателя областного исполкома. Интересует ее во время этого визита одно: есть ли в экспозиции фотография, запечатлевшая вручение Л.И. Брежневу ордена Победы и закрыта ли (в конце концов!) выставка икон.

Это не та дама, которая наша инспектриса, то есть Инна Вольфовна Бланк. Это ее начальница.

Получив от представителя Института бумагу, которую сама велела ему привезти, дама скорбно полузакрыла глаза и сообщила, что это не та бумага. То есть, — та, но её недостаточно. Необходимо разрешение на выставку и утверждение списков не только от МОСХ, но и от МООСХ… «Понимаете, у областных художников с московскими сложные отношения (многозначительная пауза). Пусть МООСХ разберется… Но в этом году вряд ли. Внеплановая выставка… (пауза еще более многозначительная). Вот на будущий год… Подадите заявку. Вставят в план: Институт, МОСХ, МООСХ… А хотите сейчас — по-

[4] Весной 1978 года мы готовили выставку работ А. Гросицкого и В. Скалкина в Истре, в одном из закрытых научно-исследовательских институтов, бывшего тогда «почтовым ящиком». Это не получилось. Не разрешили. Но был составлен каталог со вступительной статьей, в рукописном виде подаренный художникам. (Прим. 1978 г.).

жалуйста: у нас кое-что осталось от выставки, посвященной 60-летию ВЛКСМ».

(«Умилительно!» — воскликнул в этом месте Слава Павлов, наш консультант и поверенный).

Представитель Института твердо отказался от останков комсомольской выставки и выразил надежду, что с МООСХ удастся договориться. Теперь мы выясняем, кто есть кто в МООСХ.

«Ничего, — сказал Витя Скалкин. — Это воспитает из вас настоящих бойцов».

Не знаю… Бороться можно с врагом, у которого есть правила. Тут правило одно: «Не пущать!». Отсылка в МООСХ незаконна. Мы спрашивали о порядке устройства выставок московских художников в области у работника того же Управления, Е.А. Лорито. Он сказал, что нужны бумаги только из МОСХ и разрешение Управления культуры Мособлисполкома. Но все законы кончаются там, где начинается наше Управление. Наша советская власть.

В свете этих событий мы поняли, что и нашу выставку новых поступлений официально не откроют[5]. Или протянут год-другой. Мечтаем сделать хотя бы однодневку, — для художников и искусствоведов. Мы с Людой уже носили все картины в залы, примеривались. Получается неплохо[6].

Письмо А. Гросицкому от 27 апреля, 78

Милый Андрей Борисович!

Помню Вас под снегом, а теперь под снегом цветы в траве. Странно всё. И грустно. Управление культуры потребовало бумагу о том, что Московская областная организация СХ не возражает против выставки московских художников в Истре. Подробности писать тяжело, ибо гнусно.

После праздников начнем переговоры с МООСХ.

Готовим в музее выставку новых поступлений. Не верю, что её разрешат сделать и открыть. Если успеем, устроим 7 мая однодневку.

Для Ваших работ выходит два мольберта и небольшая стенка. Вещи слишком разные, и их мало. Быть может, Вы дадите на одно-

[5] Поняли мы совершенно верно. Тематико-экспозиционный план написан и подан в Управление в мае сего года. Недавно Н.Б. Соловьева в ответ на мой вопрос, будет ли план когда-нибудь утвержден, сказала: «Ну, неизвестно, что вы там хотите выставлять. Вот я приеду, посмотрю…». Ни о каких сроках речь, разумеется, не шла. (Прим. 1978 г.).

[6] В самом конце черновика — приписка, которая объясняет, почему этот вариант письма был заменен другим, от 27 апреля 1978 года: «Словно копаешься в мусорном ящике. Чем глубже, тем больше гнилья». (Прим. 1986 г.).

дневку еще что-нибудь? Я склоняюсь к «Детали» и «Натюрморту с тканью». Хорошо бы «Яблоко» раскантовать.

Не знаю, удастся ли собрать 7 мая всех наших авторов. Но думается, что однодневку сделать стоит. Невыносимо работать вхолостую. Если приедет Слепышев и обругает наши поступления вкупе с нами, будет легче, чем ничего.

Меня угнетает оттенок авантюризма, который обретает наша деятельность. Не могу себе простить легкомысленных обещаний по поводу Вашей с Витей выставки. Уверенности, что однодневка пройдет благополучно, тоже нет.

Единственным утешением было бы знать, что Вы здоровы и работаете. Мне давно уже кажется, что в этом мире нет ничего реально сущего, кроме искусства.

До свидания,

Галя.

Письмо А. Гросицкого от 2 мая, 78

Милая Галя!

У меня такое настроение, что я как бы переболел выставкой, и если ее совсем не будет, то особенно не расстроюсь.

Не вините себя, — ведь было сделано всё, что в человеческих силах.

Звонил Витя Скалкин, просил передать телефоны Геннадия Мызникова из Областного Союза художников, он с ним знаком.

Что касается однодневки, то, мне кажется, время для нее неудачно, тем более, большинство авторов не сможет быть.

Может быть, ее отложить?

Честно говоря, мне не хочется давать на нее дополнительные работы.

Галя! Вы правы, главное — работа и сосредоточенность.

Все стихотворения получил. Не обижайтесь, что не отвечал на них.

Большой привет девочкам.

Андрей

***

Отчет
о встрече сотрудников Московского областного краеведческого музея с художниками — авторами произведений советской живописи из фондов МОКМ[7].
Встреча состоялась 7 мая 1978 г.

Присутствовали:
1. Член-корреспондент Академии художеств СССР, профессор Д.Д. Жилинский.
2. Председатель секции монументальной живописи МОСХ Н.И. Андронов.
3. Ск-р Н.И. Жилинская
4. Худ. Н. А. Егоршина
5. Худ. И.А. Евстафьева
6. Худ. А.В. Дюков
7. Худ. В.А. Скалкин
8. Худ. А.С. Слепышев
9. Худ. И. Ф. Смирнов
10. Худ М.В. Эльконина
11. Худ. И.И. Евсиков
12. Худ. Л. Писарев
13. Худ. А.Б. Гросицкий
14. Худ. В.Г. Калинин
15. Худ. Ф.В. Семенов-Амурский
16. Худ. А.В. Каменский
17. Худ. В.И. Павлов
18. Ск-р Д. Шаховской
19. Искусствовед О.О. Ройтенберг
20. Искусствовед М. Холина

Присутствовали родственники перечисленных художников.

Со стороны музея присутствовали:
Директор МОКМ В.Ф. Нижегородов
Зам. директора по научной работе Г.М. Зеленская
Зам. директора по хозяйственно-административной части В.И. Рогожкин
Ст. научный сотрудник отдела фондов Л.М. Денисова
Ст. научный сотрудник отдела фондов И.Ю. Корчоха
Научный сотрудник отдела фондов Ш. Анаркулова

[7] 7 мая 1978 г. в музее была открыта выставка-однодневка новых поступлений советской живописи и графики.

Научный сотрудник отдела фондов Е.И. Асауленко
Научный сотрудник отдела архитектуры Л.М. Черненилова
Экскурсовод Е. Кузнецова
Экскурсовод Ю. Диденко

Повестка дня:

1. Осмотр гостями музея и архитектурного комплекса.
2. Знакомство с произведениями советской живописи и графики из новых поступлений.
3. Обсуждение принципов экспонирования и дальнейшего комплектования современного искусства Московским областным краеведческим музеем.

Обсуждение началось с выступления директора музея В.Ф. Нижегородова, который приветствовал участников встречи, дал краткую характеристику основных направлений деятельности музея и предоставил слово зам. директора по научной работе Г.М. Зеленской.

Г.М. Зеленская рассказала присутствующим о старых коллекциях музея и о собирательской работе, проводимой его научными сотрудниками.

Были изложены принципы комплектования советской живописью и перечислены согласно тематико-экспозиционному плану разделы выставки новых поступлений, которая включена в план работы музея на 1978 год.

Предложено обсудить собрание советской живописи, скомплектованное в 1977–1978 годах, перспективы дальнейшего комплектования, а также приемы экспонирования новых поступлений, использованные сотрудниками музея.

Краткое содержание выступлений:

Искусствовед, член Союза художников О.О. Ройтенберг отметила положительную деятельность сотрудников музея по комплектованию советской живописью.

Она подчеркнула строгость отбора работ, что отличает Московский областной краеведческий музей от ряда музеев, комплектующихся современной живописью и нередко склоняющихся к количественному подходу или следующих тенденциям моды. Собранная за очень короткий срок коллекция советского искусства в Истре характеризуется, прежде всего, высоким качеством работ. О.О. Ройтенберг выразила надежду на дальнейшее сотрудничество с музеем по созданию коллекции современной живописи, указав на возможность приобретения работ изучаемого ею художника М. Гуревича, героя Советского Союза, погибшего во время Великой Отечественной войны.

Экспонирование работ 1930-х годов совместно с работами 1970-х годов как один из приемов тематического показа живописи признано О.О. Ройтенберг удачным, поскольку это дает возможность наглядно показать преемственность советского искусства.

Художник А. Дюков подчеркнул целостность собранной коллекции и отметил высокий вкус, а также бескомпромиссность в отборе работ. А. Дюков, только что вернувшийся из Ленинграда, поделился впечатлениями от выставке новых поступлений в Русском музее и сказал, что она по сравнению с увиденным им в Истре кажется менее цельной из-за присутствия рядом с первоклассными произведениями случайных работ.

Художник В. Калинин говорил об органичности, с которой показанная живопись вписывается в интерьеры древнерусской архитектуры. «Эти залы, — сказал художник, — не имели росписей, и теперь на них проступило то, что должно было бы быть. Такое ощущение возникает благодаря высокой духовности, отличающей все экспонируемые произведения».

Художник Н.И. Андронов одобрил жанровые принципы комплектования и посоветовал расширить круг жанров, в частности, жанром интерьера, тем более, что в коллекции уже есть прекрасные работы, изображающие интерьер («Интерьер» Л. Жегина, «Лестница к Васнецову» Н. Егоршиной). Художник считает, что впоследствии можно будет делать интересные тематические и жанровые выставки советской живописи: портрет, натюрморт, городской и деревенский пейзажи, интерьер и т.д.

Говоря о цельности коллекции, Н. Андронов сказал, что не следует бояться стилевых противоречий, которые неизбежны и присутствуют в данном собрании. Это характеризует многообразие советского искусства, которое необходимо отражать.

Скульптор Н. Жилинская продолжила мысль Н. Андронова о том, что цельность коллекции не предполагает ее единообразия. Н. Жилинской очень понравилось экспонирование рядом с работами классика советского искусства художника А.Н. Волковым работ его сыновей В.А. Волкова и А.А. Волкова. Этот экспозиционный прием, по ее мнению, помогает лучше понять творчество художественной династии Волковых. Видишь, что не только отец влиял на творчество сыновей, но что и их искусство дополняет творчество отца, выявляя заложенные в них возможности.

Н. Жилинская сказала, что для нее стало открытием впервые увиденное в музейном показе искусство И.И. Купряшина. Подбор работ убедил ее в огромном духовном и живописном потенциале мастера, трагическая смерть которого оборвала его творчество в период готовности к большим достижениям.

Г.М. Зеленская спросила мнение Н.И. Жилинской о возможности комплектования советской камерной скульптурой.

Н.И. Жилинская ответила, что такая возможность существует, и не только по отношению к работам 1960-х — 1670-х годов, но и к периоду 1920-х — 1930-х годов. Н.И. Жилинская выразила готовность оказать содействие музею в комплектовании скульптурой и добавила, что присутствие в этих выставочных залах пластики будет очень естественным и органичным.

Художник Л. Писарев поблагодарил сотрудников музея за бережное отношение к творческому наследию И.И. Купряшина. Как близкий друг художника, Л. Писарев был очень обеспокоен судьбой его произведений. Он считает, что отобранные музеем работы Игоря Ивановича могут украсить любое собрание современной живописи.

Художник Д.Д. Жилинский в своем выступлении признал удачным экспонирование произведений современной живописи на мольбертах. По его мнению, это повышает активность восприятия картин, создает для них естественную среду. Д. Д. Жилинский посоветовал, по возможности, сделать более темным по тону дерево станков.

Знаменательно, сказал художник, что коллекция современной живописи собрана в музее, расположенном на территории уникального памятника русской архитектуры. В связи с новым законом об охране памятников особо остро встает вопрос об использовании их после реставрации. Думается, что во многих памятниках могла бы экспонироваться советская живопись и скульптура. Это относится и к зданиям бывшего Ново-Иерусалимского монастыря, где, начиная с XVII века, создавались первоклассные произведения искусства.

Сейчас в музее собраны хорошие коллекции дореволюционного искусства. Не секрет, что есть художники, чье работы умрут вместе с ними. То, что приобретено Московским областным краеведческим музеем, останется жить. Истринская коллекция заслуживает, чтобы о ней узнали широкие круги общественности. Д.Д. Жилинский считает, что выставка новых поступлений подготовлена профессионально и может быть открыта для посетителей. Желательно, сказал художник, чтобы публикации о коллекции появились в серьезных периодических изданиях, например, в журнале «Искусство» или «Творчество».

Мнением об увиденных работах поделились художники, чье творчество не представлено в собрании музея: И.Ф. Смирнов и Ф.В. Семенов-Амурский.

Художники И.И. Евсиков и М.В. Эльконина выразили благодарность дирекции и научному коллективу музея за труд, в котором высокая гражданственность и энтузиазм сочетаются с большой профессиональной требовательностью и ответственностью.

В заключительном слове директора музея В.Ф. Нижегородов пожелал всем присутствующим творческих успехов и выразил надежду, что дальнейшее сотрудничество работников музея с художниками и искусствоведами Москвы будет столь же тесным и плодотворным.

Отчет составлен зам. директором по научной работе
Г.М. Зеленской
и старшим научным сотрудником отдела фондов
Л.М. Денисовой.

Май, 1978.
Г. Истра.

Отзыв о работах Л.Ф. Жегина, приобретаемых Московским областным краеведческим музеем:

«Рынок» (1924), «Крестьянска тема» (1925), «Ряд» (1917),
«Жанровая сцена» (1920-е гг.),
«Автопортреты» (1930-е — 1950-е гг.),
«За столом», «Интерьер» (1925), «Реквием» (1918),
«Портрет матери» (1928)

Большинство работ, приобретаемых Московским областным краеведческим музеем, принадлежит к лучшему периоду творчества Льва Федоровича Жегина, — к 20-м годам. Именно в это время Жегин развернул особенно интересно свой графический и живописный талант, а также широкую организационную деятельность в таких объединениях, как «Маковец» и «Путь живописи».

В таких работах, как «Рынок», «Жанровая сцена», «Интерьер» и ряде других, ему удалось соединить жанровое начало с глубоким психологизмом, с выражением душевных движений, с глубокой духовной сосредоточенностью. Эта черта была характерна для многих мастеров «Маковца», таких, как Чекрыгин, Сергей Герасимов, Романович.

Большой глубиной отличаются портреты Жегина и особенно его автопортреты. В каждом из них всегда зритель находит какой-то неповторимый аспект, хотя Жегин выполнял их десятками. Большой интерес автопортреты Жегина вызвали на автопортретной выставке 1977 года в Москве. Думаю, что три автопортрета, отобранные для приобретения, будут прекрасным дополнением к экспозиции музея.

Немалый интерес представляет и композиция «Реквием» — весьма типичная для исканий Жегина конца 1910-х — начала 1920-х годов.

В последние годы ряд произведений Жегина был приобретен различными музеями — ГМИИ, ГТГ, музеем Пушкина. Интерес к Жегину не случаен. Он объясняется не только недавним выходом его интересной теоретической работы о языке древнерусской живописи, не только постоянно высоким уровнем мастерства, но и тем пристальным вниманием к внутреннему миру человека, той духовностью, которая сегодня становится необходимым качеством искусства.

Считаю, что выбор произведений Жегина для приобретения сделан хорошо. Все выбранные произведения достойны приобретения и вполне «музейны».

Доктор искусствоведения,
профессор, Д.В. Сарабьянов.
3. VI. 78

Отзыв о работах В.Г. Вейсберга, приобретаемых Московским областным краеведческим музеем:

«Композиция с вазой» (1965),
«Композиция из газет» (1967),
«Композиция с большим кораллом» (1971),
«Композиция архитектурная» (1977),
«Композиция с Венерой»,
«Композиция из 6-ти кубов»,
«Композиция архитектурная»,
«Композиция из 4-х кубов и 6-ти цилиндров» (1977).
Серия акварелей «Обнаженные» (1974–1976).

Вейсберг принадлежит к среднему поколению советских художников, которое в 60-е годы выдвинуло в качестве своей главной задачи восстановление и развитие живописных традиций русских художников XX века. Они утвердили преемственность с национальным наследием и теперь стали ведущим отрядом советских художников, имеющих каждый свое неповторимое творческое лицо. В.Г. Вейсберг — один из оригинальных и глубоких среди них, пользующийся заслуженным авторитетом среди своих коллег.

Отобранные для приобретения работы Вейсберга дают представление о его творчестве как более раннего периода — 60-е годы, так и самого позднего, зрелого периода — 1977 год. Художник работает, прежде всего, в жанре натюрморта, что и отражает список отобранных вещей. Однако, в отличие от многих натюрмортистов, Вейсбрег стремится воплотить в натюрморте определенную концепцию искусства в его отношении к действительности. Тем самым он продолжает большую мировую традицию «философского» натюрморта. При кажу-

щейся повторяемости мотивов, предметов и приемов изображения художник достигает многообразия решений — живописных и композиционно-ритмических. Его светящиеся белизной холсты демонстрируют неисчерпаемые возможности колорита, создаваемого в процессе длительной работы с натуры. Каждый сантиметр его картин обладает качеством драгоценного сплава мельчайших цветовых частиц. Уникальное мастерство Вейсберга, создающего законченные произведения, строгие и поэтичные, не подлежит никакому сомнению. Его картины музейны в самом прямом смысле слова. В то же время в них выражено остро прочувствованное современное начало: они концентрируют поиски гармонии и равновесия в условиях технической цивилизации с ее новой эстетикой отвлеченно-геометрических форм.

Серия акварелей с обнаженной натурой демонстрирует мастерство художника в работе с моделью, где он развивает традиционно-классическую тему искусства на новом этапе его развития.

Думаю, что приобретение работ В.Г. Вейсберга украсит собрание музея.

Доктор искусствоведения,
профессор
Д. В. Сарабьянов.
9. VI. 78.

***

Письмо А.Б. Гросицкому от 10 июня, 78. Отослано вместе с рукописным каталогом выставки и книгой Г. Гессе.

Милый Андрей Борисович!

Очень прошу отнестись к нашему каталогу со всей строгостью. Буду рада, если Вы напишете мне о нем.

В письме, адресованном МООСХ, Институт просит разрешить сделать выставку в сентябре.

Выяснилось ли что-нибудь насчет ЦДРИ и групповой выставки на Кузнецком?

Андрей Борисович, просьба на будущее: посмотрев что-нибудь достойное, посоветуйте и нам. Записочка в 2–3 строки Вас не обременит, а нам поможет. Своевременную информацию мы получаем только о Кузнецком.

Сожалею, что не могу подарить Гессе, поскольку это уже подарок. Я читала «Курортника» с упоением, интересно, как он Вам покажется.

Надеюсь увидеть Вас летом в Истре.

Мне кажется, Вы на пороге нового периода в творчестве, а это — трудно. Дальше, возможно, будет еще труднее.

Слепышев сказал однажды, что Гросицкий как художник только начинается. Я согласилась с ним. Не потому что позади у Вас мало, а потому что впереди — много!

Галя.

10 июня, 78

Письмо А.Б. Гросицкого от 15 июня, 78

Галя!

Большое спасибо за каталог и Гессе.

Я понял так, что этот экземпляр каталога могу оставить себе.

С огромным интересом прочитал его. По-моему, очень серьезный анализ творчества и Вити, и моего, насколько это позволяет объем каталожной статьи.

Вот уж воистину — словам тесно, а мыслям просторно!

Люда очень верно отмечает растяжение и, в сущности, исчезновение времени в лучших работах Скалкина,— особенно в композициях с фигурами.

Галя! Ваша статья верна по самой сути, — максимальное постижение, насколько это возможно.

Только с одним местом не согласен, вернее, не понял его, а именно, где Вы говорите о психологической несовместимости зрителя с работами и в то же время пишете о магии, которой он поддается. Если верно второе, то неверно первое и наоборот.

Мне тоже хочется думать, что у меня это только начало. Надо работать, работать. Уйти в себя.

Относительно выставки групповой и в ЦДРИ нахожусь в нерешительности. Хочу пойти к Вите и поговорить.

В Истру намечаю приехать в июле и привезу Гессе, которого к тому времени прочитаю (читаю медленно).

Большой привет девочкам.

Андрей.

Письмо А. Б. Гросицкому от 20 июня, 78

Андрей Борисович!

Вопрос о восприятии Ваших работ такой непростой… Противоречие между неконтактностью со зрителем при активном воздействии на него существует, но неверно думать, что если есть первое, то нет второго и наоборот.

Контактность — вещь обоюдная. Это замкнутая цепь, где ток идет по кругу, через оба конца.

Психологический контакт — всегда взаимопогружение. Рублевский Спас вливается в тебя, но и ты в нем — тонешь. Идеальный контакт — идентификация зрителя с изображением.

Магия же — акт односторонний. Магнит притягивает, прижимает железку к своей поверхности, но дальше ей хода нет.

В контактных произведениях всегда есть нечто магическое, но изображение завораживающее может быть и неконтактным. Например, Вседержитель Феофана Грека в куполе церкви на Ильине.

Противоречие между магией и неконтактностью вовсе не обязательно. У Феофана его нет, у него противоречием был бы контакт с Божеством.

Ваши образы воздействуют только от себя, зритель им, в принципе, не нужен. Но они воплощены в предметы обиходно-бытовые, простые и доступные. Отсюда чувство протеста, желание отчужденность эту — преодолеть. Восприятие ваших работ продолжается заочно, мысленно, и разрешается, наконец, сознанием чего-то трагически одинокого, одиночного…

Это — о лучших Ваших полотнах 70-х годов. Ранние более открыты, эмоционально прозрачны, очеловечены, — например, «Натюрморт с лампой». Какой-то перелом наметился, мне кажется, в «Кубке» и «За тканью». Они по воздействию — доступнее, мягче, тоньше, изощреннее.

Не знаю, придете ли Вы к контактному искусству. Не думаю, что это важно. Важно, как твердил Сезанн, реализовать, реализоваться.

Нужно много воли и умения, чтобы «уйти в себя», но еще больше их нужно, чтобы из себя — выйти.

Работайте, благослови Вас Бог.

Галя

20. VI. 78

Письмо А.Б. Гросицкого от 17 июля, 78

Милая Галя!

Намечаю приехать в Истру 27 (четверг) или 28 (пятница) или 31 (понедельник) июля — в первой половине дня.

Напишите — в какой из этих дней Вам удобнее и где мне Вас найти в музее. Если ни один из этих дней не подходит, то укажите более подходящее число и день.

Относительно «Яблока» я думаю совсем убрать рейки, торец у меня белый, просто его подреставрировать. Но, может быть, на всякий

случай взять с собой тонкую обкладку, которой я оформлял свои работы?

У меня дела хорошо. Работаю много. Настроение хорошее.

Был на выставке немецкой живописи конца XIX — начала XX вв. Много интересного и нового — ведь раньше знал этих художников только по репродукциям.

Звонил и заходил к Скалкину, но его нет. Наверное, уехал.

Большой привет девочкам. Все стихи получил. Снова прошу не обижаться, что не отвечаю.

Андрей.

Письмо А.Б. Гросицкому от 22 июля, 78

Андрей Борисович!

Четверг 27 июля день вполне удобный. Лучше выехать пораньше, поскольку после 9.30 электрички, случается, отменяют. Предлагаю поезд в 9.01 от Тушино. Там сейчас новый выход прямо на платформу. Садитесь в головной вагон, я встречу Вас на платформе конечной станции «Новый Иерусалим». До монастыря пройдем пешком, хочу показать Вам институт, где мы все же надеемся устроить Вашу с Витей выставку.

Рейки, я думаю, следует взять.

Форма одежды — рабочая и потеплее: в соборе очень холодно при любой погоде. Если успеем, сходим в лес.

Хорошо, что Вам хорошо! Не могу сказать о себе того же. Ничего не случилось, просто так. Тоска и, наверное, усталость. Не знаю.

Слепышев звонит каждый раз, когда приезжает в Москву. Он, мне кажется, истомился без общения. Начинает с вопроса о деньгах (мы никак не оплатим ему счет), а потом (ясно вижу!) усаживается на диван, подогнув ножку, и отводит душу.

Просил передать Вам от его имени приглашение в гости, на дачу. Мы до сих пор не навестили ни его, ни Валерия Волкова, ни Славу Павлова. Девочки сами не соберутся, а мне никуда не хочется.

Андрей Борисович, я позвоню вам 26-го на всякий случай, ладно? Утром, до 9.30.

Посмотрите расписание. Если 9.01 Вас не устраивает, можно выбрать что-нибудь другое.

Галя

22 июля, 78

***

Письмо В.А. Волкова от 5 июня, 78[8]

Дорогая Галя!

Эта записка не в счет. Настоящую переписку я готовлюсь начать после переезда на дачу (а из-за погоды переезд отложен до субботы, 10. VI.). Впечатление от поездки — праздник души, но сейчас конец учебного года, и я, обалдев от просмотра в училище, откладываю радостные переживания до лучших времен, т.е. на несколько дней[9].

До 10-го нам можно звонить. После 10-го, если не пойдет снег, и мы уедем на дачу, звонить можно тоже, т.к. кроме глухой Юлии Николаевны у нас будет жить знакомая из Ташкента. Но лучше писать прямо на дачу — письма и телеграммы туда хорошо ходят.

Приветствуйте всю вашу компанию!

Светлана присоединяется, Саша с Машей тоже (они также застряли в Москве, — болеют дети)

Глубоко Вас уважающий

В. Волков

Москва, 5. VI. 1978

Письмо В.А. Волкову от 27 июня, 78

Милый Валерий Александрович!

Всё ждала, пока смогу написать Вам что-нибудь целиком приятное, но судьба не балует. Во время памятных Вам, наверное, дождей, простыла и вторую неделю лежу с ангиной.

От девочек, меня навещающих, узнала, что деньги по счету 4810 р. бухгалтер Вам перевела, в июле получите. Второй счет на сумму 7190 р. постараемся оплатить в III кв.

Между Вами и Александром Александровичем раздел такой: 6500 р. — Вам, 5 500 р. — ему. Почтовые расходы (по 2 руб. с сотни) — пополам! Если Вы с чем-нибудь не согласны или нужны более подробные объяснения, не смущайтесь, напишите.

В период изуверских холодов мы вспоминали всех дачников с соболезнованием. Кланяйтесь Светлане Юрьевне, прошла ли у нее простуда?

Как Пиф? Какие вести от Саши? Работаете ли Вы?

Жду письма самого обстоятельного.

Дачную жизнь я представляю по Чехову, Блоку и Станиславскому. Хотелось бы — по Волкову!

---

[8] Написано вскоре после приезда в один из выходных дней в Новый Иерусалим.

[9] Далее следует адрес дачи и описание, с чертежом, как к ней проехать.

Надеюсь дожить до плова или утки.

Всего доброго, большой привет от девочек.

Галя

PS. Если будете писать с оглядкой на мемуары, считаться не будет!

PPS. Горло болит ужасно, наверное, жабры растут. Еще бы недельку дождей, и были бы мы — амфибиями.

27. VI. 78

Истра

Письмо В.А. Волкова от 8 июля, 78

Дорогая Галя!

Пока я пытался решить проблему, что же такое «дачный муж», не по Чехову, а по Волкову (даже с братом советовался), начинается новая эра дачного холостяка (т.к. Светлана в понедельник едет в Анапу). Итак, какой тип лучше, покажет история. Но если продолжить сравнительный анализ с эпохой Чехова, то ведь теперь прогресс, технологический век. Тот муж вёз примус, а этот — газ! В новеньких баллонах (рисунок. — *Г.З.*).

Тот объедался гостями[10] и этот тоже, с той только разницей, что тот после присутствия опрокидывал стаканчик с закусочкой, хлебал где-нибудь ушичку и на извозчике катил на вокзал, забывая и путая поручения жены, а этот должен достать всё, даже то, чего нет, так что ничего ни-ни.

Кстати, об ушичке: сегодня поймал 15! бычков, самый маленький — (рисунок. — *Г.З.*), самый большой — (рисунок. — *Г.З.*).

Кстати, о быках (лучше черным): (далее текст черным фломастером. — *Г.З.*). Пишу новый цикл «Быки» и «Матадоры» (на даче). Я представил, что я как бы опять где-то около Испании и хожу как на арене – все присутствующие и отсутствующие служат мне моделями для матадоров, испанок. (Матадором «работает» парень полуадзербайджанец, и одновременно родственник Бебутова и Павла Кузнецова, студент училища — и в некотором роде мой ученик). Испанки разные (одна, например, — из коварства и любви сразу), другая — Аньес, хотя и француженка, но в испанском разрезе, — очередь за вами, т.к. Люда испанка натуралистическая, Лену приспособим как маху, а Галю, слегка подкрасив и задрапировав, посадим в ложу для почетных гостей. Хуже с бычками, придется Пифу работать быком!

[10] О присутствующих не говорим! (Прим. В.А. Волкова)

Пока он приспособился работать ёжиком, — доедает кости, предназначенные для ёжика нашей хозяйкой[11].

Но наступает Ferria — сезон летних праздников и коррид! Я уже получил новые репортажи из Франции о корридах этого сезона! Интересно, что в интервью знаменитого матадора я «узнал» все свои мысли и переживания о корриде — видимо, я становлюсь Быком (я ведь родился под знаком Toro. Как бы не выросли рога!).

Сейчас на очереди холст с быком, обалдевшим от бандерилий, с высунутым языком и раздувающимися боками. Портрет (почти авто). Это для коллекции вашего музея. После получения денег, за что спасибо, разделываюсь с долгами, покупаю кучу холстов, подрамников и красок и весь июль на даче в Корриде, а август в мастерской — Средняя Азия!

Я плохой корреспондент, прошу простить, к тому же июнь, я имел еще обязательства в училище, были дела с журналом «Знание-Сила» (иллюстрации и консультации по макету нашей статьи (пойдет в № 10).

Но теперь я безвылазно буду на даче, т.к. Светлана будет загорать с племянниками, а я с Пифом.

Надеюсь, что вы не оставите меня в одиночестве, но только прошу перед приездом дать телеграмму: «Плов назначается на такое-то число. Точка». И плов будет.

Телеграммы хорошо доходят.

Гарантирую ночлег, почти отдельную комнату и… минимум удобств. Зато… избушка на курьих ножках (рисунок. — *Г.З.*).

Светлана приветствует, Пиф лает, я жду.

Валерий.

Письмо А.А. Волкова от 31 августа, 78

Милая Галя!

Так уж получилось, что лето сломало все планы. То ли погода + атмосферные явления, то ли его величество случай, но все сложилось иначе, чем предполагалось. В то время, когда у Вас была ангина (узнал от Валерия), я сидел на даче один с ребятами. Маша заканчивает диссертацию и одновременно болеет краснухой (заразилась от старшего сына), у меня тоже было какое-то воспаление гортани.

Естественно, планы мои написать 36 видов Саввинского монастыря рухнули. В результате пара с видом сарая напротив и одна панорама Москвы-реки. К некоторому моему удивлению оказалось, что писать с натуры очень легко и просто (никаких проблем, куда какой

[11] Далее текст написан красным фломастером.

цвет положить). Жаль, что не удалось развернуться, а то могло кое-что получиться. Потом, когда Маша смогла меня освободить, возникли дела с комбинатом скульптуры, надо было сделать эскиз солдата для фигуры 3,5 м.

Потом выяснилось, что Союз ССР (художников) посылает меня в Ереван на симпозиум по скульптуре на 40 дней с 1 августа по 10 сентября. Там будет человек 10 из республик, включая 3 москвича (Пологова, Тадаев и я). Мы должны за этот срок сделать из туфа по скульптуре и подарить г. Еревану (их поставят в парке), а нас за это должны кормить, поить и дорогу оплатить. Настроен по-новому, с удовольствием врублюсь в туф. Беру с собой Машу на 20 дней, пусть покрасуется в Ереване, а то сшила какое-то летнее платье, а одеть некуда, да и холодно (к тому же она 2-й раз едет отдыхать без детей).

С удовольствием вспоминаю день, проведенный в Истре. Он был действительно летний и теплотой своей врезался в сердце.

Валерий на даче, Светлана вернулась с моря. Они ждут всю вашу компанию на плов, жаль, не смогу быть, выбирайтесь, они рады будут вас видеть.

Большой привет всем девочкам (я думаю, они не обидятся, что я их так называю, это от чувства). Всего хорошего, до скорой встречи.

А. Волков.

31 июля, 78

PS. Деньги с братом получили, разделили, не подрались! Спасибо!!!

***

Из письма В.И. Павлова от 21 марта, 78

Галя!

Ради Бога! Не гневайся на меня. Письмо твое получил в Тарусе, да так и не смог на него ответить. Там ведь тоже свой замкнутый мир, в который вовлекаешься плотно, и требуется большое усилие, чтобы из него прокричать. Как сказал Виктор Дувидов: «В Тарусу попадаешь, как в колодец. Тихо, и не хочется нарушать тишины».

Но это не оправдание.

Итак, я в Москве. Привез из Тарусы без малого 450 рисунков. Неплохо, хотя в прошлом году их было больше 600. Этим я всех пугаю, и все мне говорят, что такая производительность – как у Пикассо, но я думаю, что все мы кого-нибудь напоминаем, кто много рожает, кто мало. Не в этом дело.

Но это к слову. А теперь дело.

Почему я просил Валю ничего не предпринимать? Дело в том, что Таня Ермакова, как она мне сказала, договорилась с ГТГ взять какие-то Игоревы архивы. Опять его рукописи по статьям, и в наше последнее свидание (Лариса тебе об этом, наверное, рассказывала) возникла очень неприятная ситуация, когда столкнулись две стороны: Истра и ГТГ. Для того, чтобы столкновение это погасить, нужно время <…>. Потом, я боялся, что Валя по доброте душевной начнет «делить». И посему решил, что того времени, которое я проторчу в Тарусе, будет достаточно, чтобы конфликт угас и страсти улеглись. И действительно, так сейчас и получилось. Никто не собирался, и все тихо.

А теперь будет так.

В смысле архива. В субботу или воскресенье, как вам будет удобно, соберемся, и вы все заберете. Наметим, какие его личные вещи (палитра, этюдник, кисти и т.д.) вы будете брать. Вообще весь архив в этот раз нужно будет забрать. Готовьте сумки.

В пятницу в эту должна быть Борисовская с гл. хранителем ГМИИ — это среди дня — и отобрать (скорее всего, рисунков 10) в гравюрный кабинет. Что касается ГТГ, то Манин что-то отобрал — это знает Валя Луценко, но все это неопределенно. Так что в субботу или в воскресенье кроме архива нужно будет разобрать графику и тоже её забрать или, во всяком случае, договориться, когда вы её заберете. Чтобы под архивом и графикой подвести черту и заняться вплотную холстами. Архив еще остался у братца, но это после.

Вот все наши дела пока. Очень прошу, позвони Луценко и сообщи ему, когда ты можешь — в субботу или воскресенье. Все это нужно сделать стремительно.

В студии я буду бывать фрагментами, а посему мне удобнее позвонить Луценко, и я буду знать, когда мы встречаемся.

Привет мой Ларисе самый нежный.

Слава Павлов — Из Тарусский в Московский.

21 марта, 1978 года.

Письмо В.И. Павлова от 8 июля, 78

Галя!

Я уже на протяжении нескольких недель никак не могу до тебя дозвониться. Там у вас сидит какая-то «ироничная» женщина и только вещает, что ты в другом доме, что ты заболела и что ты обедаешь, а обед у тебя «министерский», то есть долгий.

А время идет. Впрочем, что же ему делать.

Зато нам от этого забота. Хотел я всех вас собрать у себя, да не вышло. Собрал только Валю Луценко с Инной и Алтунина Сашу с женой. Остальных так и не смог. Так что, первое! Хочу все-таки, чтобы

вы у меня появились, и помучаю я вас графикой, как мучил Луценко и Алтунина. Но не пугайся, мы потом посидим за столом и приятно проведем время.

Во-вторых, в самых главных, нужно завершить работу с Игорем Купряшиным. Нужен печатный список работ в 3-х экземплярах, где бы мы все расписались, и расписалась Мария Витальевна. И нужно как-то оформить все наши взаимоотношения с Марией Витальевной, а для этого нужно собрать всю компанию.

Б. Алимов в Москве. А. Каменский в Москве, Т. Ермакова в отпуске до 17 июля.

Я послал письмо в Архангельск — пока никакого звука. Нужно будет позвонить туда в музей по междугороднему. Может быть, там тоже все в отпуске.

Вот пока и все.

Да не совсем. Нашел в нашем запаснике картину Игоря «Пределы», это которая была на панихиде и потом висела на осенней выставке на Беговой. У вас эскиз с мальчиками, крутящими бревно: этой картины, или реплика, — я не знаю, но это лучшее его произведение.

Там же два маленьких холстика — «Ленинградская улица» и «Буячок».

Так что напиши мне, пожалуйста, как ты мыслишь относительно всего завершения с Игорем и также, когда вы доберетесь до Ленинского проспекта, т.е. до меня.

Хочу Истру собрать вместе с Алешей Каменским.

В студии сейчас почти не бываю. Если буду, то буду в этот понедельник. Если ты получишь письмо до понедельника, то позвони.

Привет Святым местам.

Привет Ларисе, Люда и Шарофат.

Появись. А то совсем как-то все растворились.

С приветом

«Пышный» Слава Павлов.

8 июля 1978.

(Далее рисунок ручкой. — *Г.З.*)

Это я сейчас такие цветы рисовал. Даже не знаю, как они называются. Мне они напоминают связки колокольчиков.

***

Письмо В.И. Павлову от 10 июля, 78

Пышечка Славочка!

Умница, что написал. Я ждала. Имею сообщить следующее: если нужно взять работы Игоря из мастерской на хранение, — мы готовы. Я долго убеждала нашего директора, и он выделил место.

Печатный список обещаю сделать. Если можно получить «Пределы», «Ленинградскую улицу» и «Буячок» из ваших запасников в наш музей, мы напишем соответствующие бумаги, узнай только, какие именно.

И подумай, пожалуйста, на какую сумму нам лучше (в соображение братца) сделать закупку тех работ Игоря, которые были у нас на выставке. Пару тысяч мы в течение года могли бы заплатить. Или это мало?

Почему братец не чешется по поводу счета на книги и пластинки? Может, ты напишешь Любе Юровой относительно музеев Ярославля и других, о которых она хотела узнать? Напиши, от тебя это будет весомее, чем от нас.

Думаю, что встретимся на Ленинском, у тебя. С нашей стороны будут списки в 3-х экземплярах и счет на работы Игоря в той сумме, какую ты сочтешь удобной. Это нужно сделать во второй половине июля, потом у девочек начнутся отпуска. Давай ориентировочно договоримся на 22 или 23 июля.

С архивом Игоря и графикой мы еще не работали. Начнем с осени, тогда и опись составим. Сейчас время летнее, сам понимаешь. Должно завершить многовековую инвентаризацию фондов, срок которой истекает в III кв. сего года, опять же экскурсии, погода неровная етс.

Привет тебе от моих красоток. Они ходят в умопомрачительных нарядах: Madam в рюшах и тесьме, Люда в удлиненной юбке, с голой спиной. Шарофат выходит замуж!

Пиши, телефон — дело суетное.

Галя

PS. Слава, списки, я думаю, следует оформить следующим образом: в колонке «местонахождение» надо писать не просто название музея, в «передано в дар…» или «приобретено… музеем за сумму…». Тогда это будет документ, под которым может расписаться и комиссия, и Мария Витальевна. А так, без указания оснований, на каких работы поступили в тот или иной музей, — несерьезно. Как ты думаешь?

И еще. Пришли мне, пожалуйста, полный список членов комиссии по творческому наследию Игоря, с указанием должностей, чинов и прочего. Нужны также — полностью — официальные наследники. Это будет напечатано в конце списков.

Вроде всё. С Третьяковкой так и не прояснилось?
Привет Луценко и Каменскому. Целую тебя в макушечку.
10 июля, 78

Письмо В.И. Павлова.
Июль, 78

Галя!
Итак, комиссия:
Б.А. Алимов — председатель
Т. Ермакова
Г.М. Зеленская
Н.И. Жилинская
А.И. Купряшин
Н. Иванов (ред. газеты «Московский художник»)
П.Ф. Никонов.
Б.В. Окороков
В.И. Павлов

Мать Игоря Купряшина: Смидт (это второй муж Марии Витальевны). Ее адрес: Москва 113303. Одесская улица, д. 22, корп. 1, кв. 205.

И дело обстоит следующим образом. Вчера мы с Валей Луценко были у Марии Витальевны. Братца — слава Богу! — нет. Подписал два дарственных письма на 10 рисунков в ТГТ и на 9 рисунков в ГМИИ. Она, вообще, выглядит ничего и бодра. Пожила бы еще!

По всей вероятности, наша встреча — встреча комиссии — откладывается на следующую неделю (на пятницу или на субботу). Что касается сборища Истры на Ленинском, у меня, то желательно это организовать сразу за собранием комиссии, даже на следующий день. Боюсь только, что все вы разойдетесь в отпуска.

Поскольку Луценко у меня был, то желательно об этом не очень распространяться. Будет только Леша Каменский.

Если ты не читала «Советскую культуру» за пятницу 14 июля, то прочти там статью: «Нужна ли еще одна комиссия?» — на второй странице. Большая статья, где Любочка Юрова борется с оплотом пост-сионизма в г. Ярославле Т. Эдельсон. Её цитируют. Так что почитайте и берите пример. Ай да Любка! Недаром Купряшин бегал от неё. Но да это так, к словцу. Игорь — это совсем другое дело, а вернее иное тело-движение. Пишу почти как Купряшин.

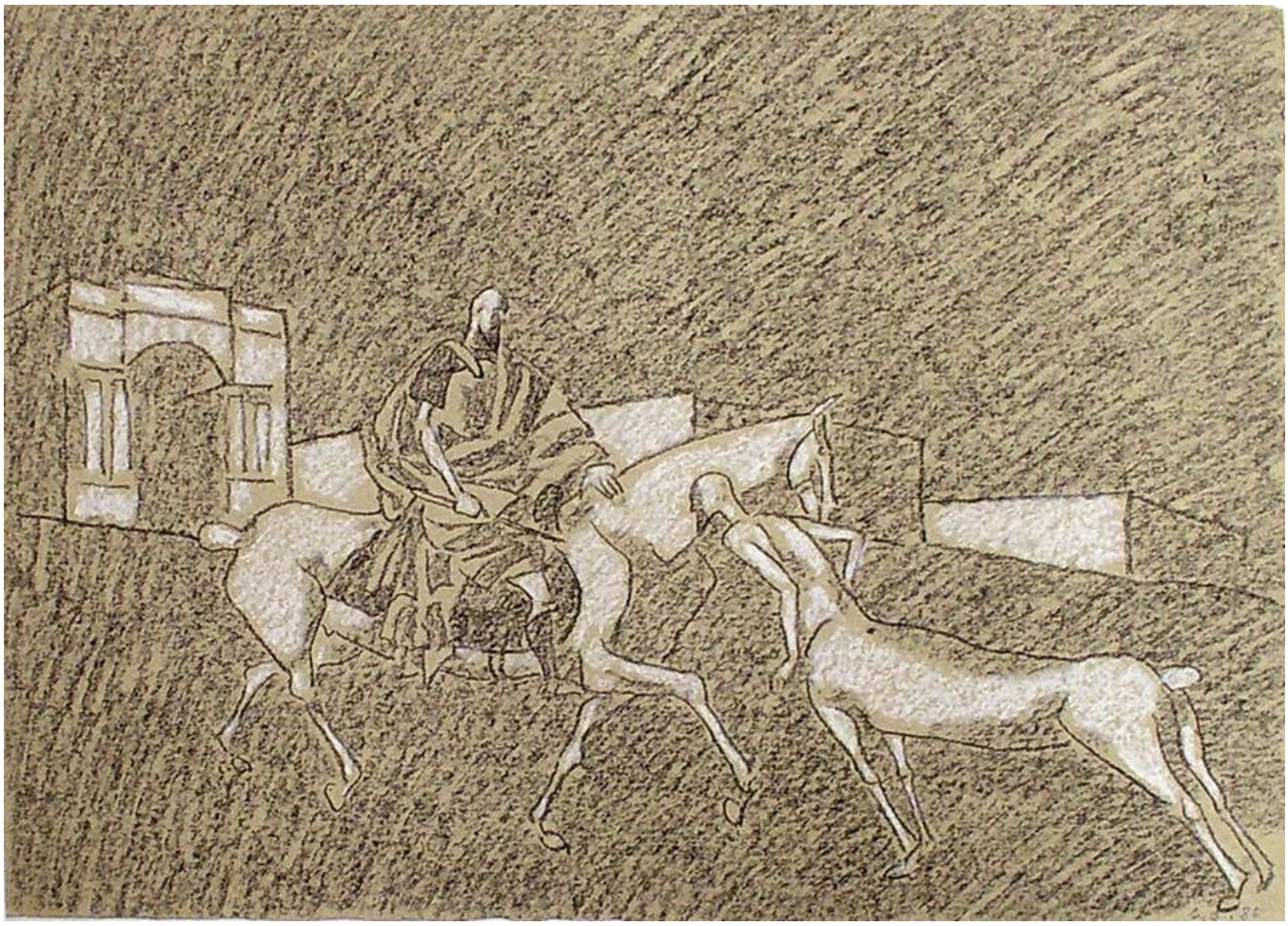
Щекочу вас всех своими пышностями.

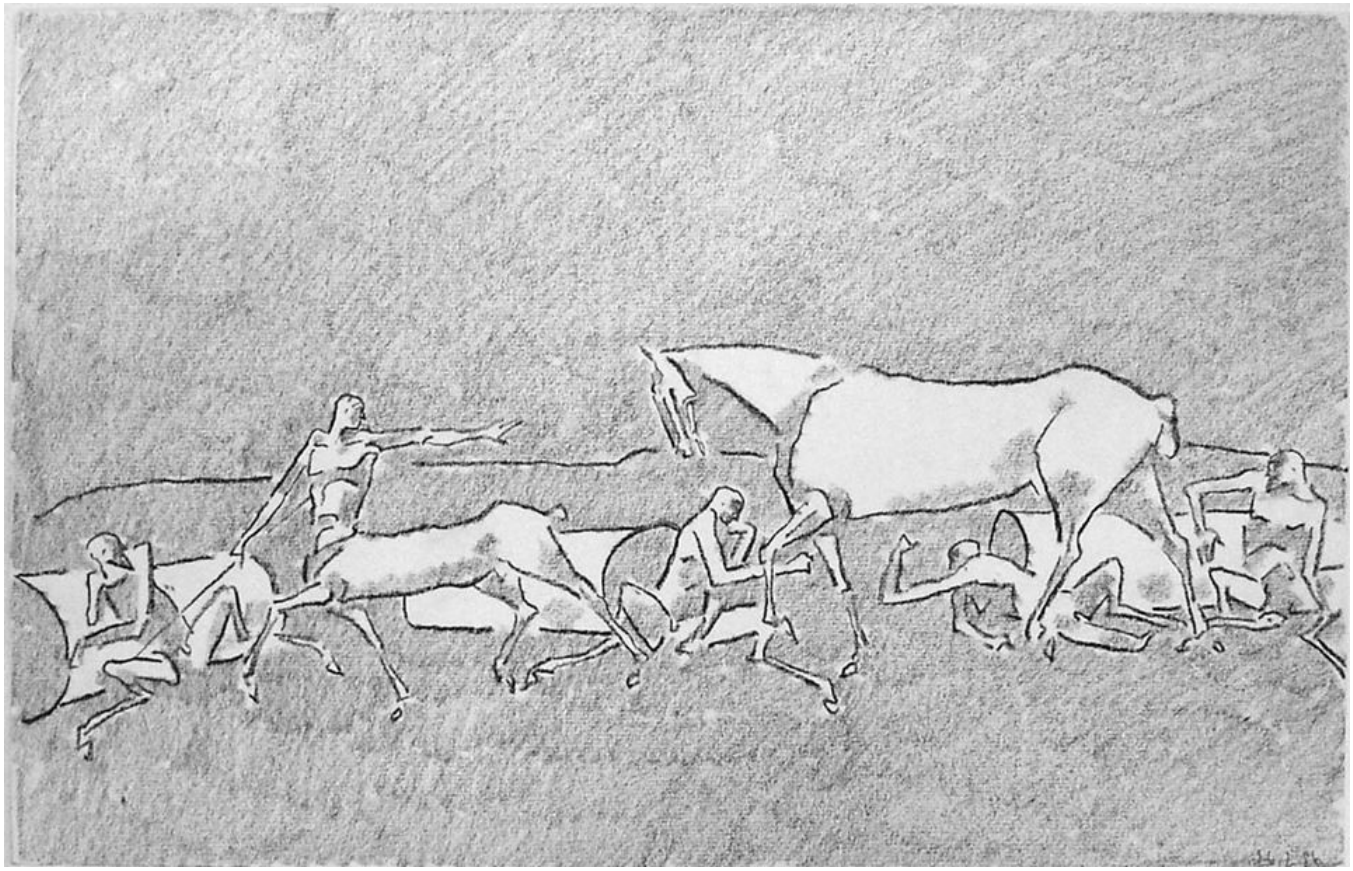
Ваш Вяч. Павлов.

Травлю «Рим».

Пиши и, если можешь, то позвони в пятницу утром с 11 до 12 ч. в студию.

С. 87–88
В.И. Павлов (1934-2014) Из серии «Рим».
Музей «Новый Иерусалим»





Относительно холста Игоря « Пределы» и 2-х маленьких, тоже не нужно пока никому говорить, а сделать все это по-тихому.

Письмо В.И. Павлову
от 17 августа, 78

Славонька!

Списки готовы, какие будут дальнейшие указания?

Девицы все в отпуске, я собираюсь идти с 28 августа, но пока еще не знаю, отпустят ли.

Напиши, какие новости. Любаша приезжала?

Я по тебе соскучилась!

Будь здоров, не забывай нас.

Галина.

17 августа, 78

Письмо В.И Павлова
от 24 августа, 78

Галя!

Я вот уже несколько дней тебе безуспешно звоню.

Сейчас наступает самое горячее время с Игоревым наследием. Я думаю, что уже в сентябре нас попросят из мастерской. А посему, нужно нам с тобой увидеться до твоего отъезда.

Во-первых: мне поставили телефон[12]. Можешь мне теперь звонить.

Если меня не застанешь, то скажи маме (ее зовут Анна Григорьевна), когда будешь звонить. Я дождусь твоего звонка.

Нужно подписать списки. Нужно что-то решить с работами (когда их перевозить). С 27 августа в Москву возвращается Валя Луценко. Так что помощь будет. Во-вторых: хотел с тобой посоветоваться относительно каталога для будущей Игоревой выставки.

Из новостей: Архангельск забрал 22 работы[13], — приезжала зам. директора по науке и забрала в контейнер.

В Москве замечательная выставка Митурича.

И очень жаль, что не увидел, хотя бы по телефону, Любку.

С московским приветом Вяч. Павлов.

24 августа 1978 г.

***

[12] Следует номер телефона.

[13] Имеются в виду работы И.И. Купряшина.

Письмо А.С. Слепышеву от 22 июля, 78

Анатолий Степанович!

Пожалуйста, не надо терзать нас по поводу денег. Это, не ускоряя дела, приносит огорчения, которых и так достаточно.

Ваша настойчивость объяснима и естественна. Вы ведете себя как Слепышев. Но мне всегда тяжело, когда Вы не желаете быть добрее, милосерднее. Тем паче, что я чувствую в Вас великого идеалиста…

Обидно и грустно, если Вы так и не сможете нам — довериться.

Деньги Вы, разумеется, получите, и, надеюсь, скоро.

С удовольствием поговорю с Вами тогда на темы более веселые.

Галя

22. VI. 78.

Письмо А.С. Слепышеву от 1 августа, 78

Анатолий Степанович!

Сегодня Ваши работы приняты в фонд, и счет поступил в бухгалтерию. На днях оплатят.

Приятно было видеть Вас в приливе душевной энергии. Ваши бодрость, простота и веселость пленительны, только изредка, на секунду, — тоска в глазах, и тогда хочется сказать, как Станиславский: «Не верю!». Девочки очень благодарны Вам, — такого Слепышева они еще не видели. На меня внимания не обращайте. Я человек фантастический, дикий и к Вам испытываю великую боль.

Знаете, бывают люди, которые в антрактах не выходят из зала. Я — то самое. Вы — выходите, и даже на улицу! Такая разница.

«Избиение» мне понравилось, многофигурные композиции стали получаться хорошо, не тесно. Красный фон прекрасен по тону, но фигуры он сейчас глушит. Когда допишете, будет, кажется, хорошо.

Фигуру на лошади я вижу (могу же я — видеть!) так: полнозвучный синий, равнозвучный фону, — одежда, и роскошно-золотой — голова. Этот Ваш инквизитор — в фокусе. Казнит, карает, страдает, сострадает. Что угодно. Вообще, типы на лошадях в евангельской серии — как тема рока. Великий атеист Слепышев.

Почему не рассказали о придуманных рамах и не набросали, как они выглядят? Увидел девочек — и все забыл! Ну ладно. Всё равно молодец.

Будьте здоровы, держитесь,

Галя.

1 августа, 78

***

Записка Д.Д. Жилинскому, отправленная вместе со счетом на картину «Портрет Оли на фоне цветущего жасмина»

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Мы должны Вам еще 1000 рублей, из них 500 — по старому счету, который оплачивали в конце квартала, и денег не хватило. Подпишите, пожалуйста, новый счет за «Жасмин» (в двух местах) и вышлите по адресу, указанному на конверте. Постараемся в ближайшем будущем рассчитаться с Вами полностью.

Всего Вам доброго, большой привет Нине Ивановне.

Мы пока держимся.

Галина.

17 августа, 78

Из моего письма Л.М. Денисовой. Август, 78

Люся, здравствуйте!

Пишу после дня, проведенного в обществе Инны Вольфовны и очередной комиссии, так что настроение соответственное. Но не стану осквернять Ваши родительские пенаты нашими новостями сразу, хотя они не гаже обычного. Поскольку Вы (надеюсь!) все равно начнете читать с места о Вите, то с Вити начну и я.

Итак, лапочка Скалкин в Ялте. Вернется в начале сентября.

Сведения достовернейшие, от Светланы. Я привела бедную женщину в трепет, объявив, что музей хочет оформить закупку работ художника Скалкина. По-моему, она не подозревает, что её брат достиг таких высот. Была готова писать ему, звонить и вообще сделать всё, что нам понадобится.

Я поблагодарила, но художника просила не беспокоить, поскольку дело можно решить либо на днях, либо только в IV квартале. (Прошу запомнить эту версию!).

Светлана:

— Может, пусть он Вам позвонит, я непременно передам… Он знает, куда?

Я:

— Разумеется! Мы не первый раз покупаем у него работы, это вторая закупка…

Она слушала, как мне показалось, ошеломленно. Витя, наверное, ничего ни о музее, ни об Истре ей не говорил. <…>

Из Ялты вернулся В. Серебряный, рисует адские картины: жара, все забито толпами, клубника на рынке — 12 рублей 1 кг. etc.

Но Витя, я думаю, с Зебиком на острове, и его это не касается.

Говорила с Жуковым и Курилой[14]. Письмо в МОСХ они не отсылали и в возможность сделать выставку законным путем не верят. Предлагают сделать без разрешения и, соответственно, без каталога. Я просила Жукова подумать о возможности каталога как списка работ (подобно тому, какой был у выставки на Беговой). Письмо решили не отсылать, и выставку наметили на начало октября. Я обещала, что Вы позвоните Жукову в сентябре. Числа с 25-го надо будет готовить зал.

Не скажу, что я преисполнена энтузиазма, но это единственная возможность что-то сделать. Значит, надо.

Андрею не писала (только стихи, конечно), оттягиваю это удовольствие на конец месяца.

Слепышев молчит. Очень мне это в нём нравится — неровность отношений. И о деньгах — ни слова. Молодец. Только бы не случилось чего. Деньги ему переведут после 23 августа, всё время Управление задерживает перевод финансов музею.

Счет Д.Д. Жилинскому я отправила. Счет В.Г. Вейсбергу пришлось переписать. Дело в том, что Ирина Корчоха нашла два кресла западноевропейской работы XVII–XVIII веков по 1000 рублей каждое. С согласия М.Г. Артемовой решили лишнюю тысячу раскинуть на работы Вейсберга. Протоколы И. Корчоха переделала, и я послала ему новый счет. Он на всё согласен, хотя мне очень не хотелось втягивать его в эти дела.

М.Г. Артемова, уговоренная И. Корчохой, готова принять работы Вейсберга в фонд без Вас, и всё пытала меня на предмет рисунков Слепышева, поскольку хочет записать их после купленного Слепышева, не разрывая Вейсбергом. Впрочем, М.Г. Артемова ревизует сейчас Бородинский музей, так что вряд ли колесо повернется быстрее обычного. Я очень боюсь, что до Вейсберга доберется Инна Вольфовна вкупе с Лещинским: они рвутся посмотреть нашу советскую живопись.

Повторная комиссия прослушала наши экскурсии и пришла в ужас от их идеологической направленности. На приёме у Н.Б. Соловьевой речь шла все о том же — отсутствии руководства у музея. <…>

О себе по-прежнему ничего не знаю. В отпуск собираюсь с 28 августа. Предварительный план такой: Вологда — Кириллов — Ферапонтов — Великий Устюг — Коктебель. То есть не план, а диванная фантазия. Ничего для её реализации я не делаю. И неизвестно, отпустят ли меня с 28-го. Н.Б. Соловьева выражала Инне Вольфовне удив-

[14] Сотрудники ОВНИИЭМ, хлопотавшие о разрешении устроить в конференц-зале своего института выставку работ А. Гросицкого и В. Скалкина.

ление, что я обычно ухожу в отпуск без разрешения Управления культуры.

Пишите, что у Вас отрадного. Погода была жуткая, но теперь потеплело. К Волковым я не ездила, Волику не писала.

Соскучилась по времени, когда можно будет ездить по мастерским, смотреть, ходить на Кузнецкий, пить чай у Слепышева.

До свидания,

Галя

18–20 августа, 78

PS. Я начала третью тетрадь мемуаров.

Читала книгу «Мир искусства», и снился дивный сон с пейзажами a la Версаль Бенуа.

***

Письмо В.Г. Вейсбергу от 17 августа, 78

Милый Владимир Григорьевич!

У меня куча дел, никак не могу вырваться из Истры. Подпишите, пожалуйста, счет (в двух местах) и вышлите по моему домашнему адресу, указанному на конверте, а то в музей почта приходит не каждый день.

Из суммы, указанной в счете, 1700 рублей — Ваши, 1040 — наши, 20 рублей пойдут на почтовые расходы, которые возросли вместе с возросшей суммой.

Огромное спасибо за услугу. Меня всегда мучило, что приходится действовать подобным образом, но иначе в музей ничего не купишь. Антиквариат очень дорогой сейчас, и наши 500 рублей — не деньги. Конечно, мы можем покупать и дороже, но только через Управление культуры, где нам отвечают (цитирую): «Столик-консоль за 1000 рублей? Зачем он вам? Вот у Художественного комбината есть мраморный бюст Ленина за 1000 рублей, его и купите».

Большая моя признательность — Галине Михайловне. Я знаю, что хлопоты по отправке счёта обратно лягут на нее.

До свидания.

Когда бухгалтер перечислит деньги, мы Вам позвоним.

Галина.

1 августа, 78

Письмо от Г.М. Вейсберг
от 20 августа, 78

Дорогая Галина Митрофановна!

Посылая Вам счёт, хочу еще раз сказать Вам спасибо.

Вы первая в его жизни из официальных лиц, кто бы помог ему и так неофициально.

Спасибо Вам за понимание и внимание.

Привет вам от Вл. Гр. и меня.

Г. Вейсберг.

20 августа, 78

***

МОЛИТВА

Наши с Вами снега —
Горячее греха.
Господи, помоги!

Наш размеренный мир —
Разуверенный миф.
Господи, укрепи!

У невидимых бездн
Столько мыслимых бед —
Господи, огради!

В непочатую явь —
Босиком или вплавь.
Господи, не оставь!

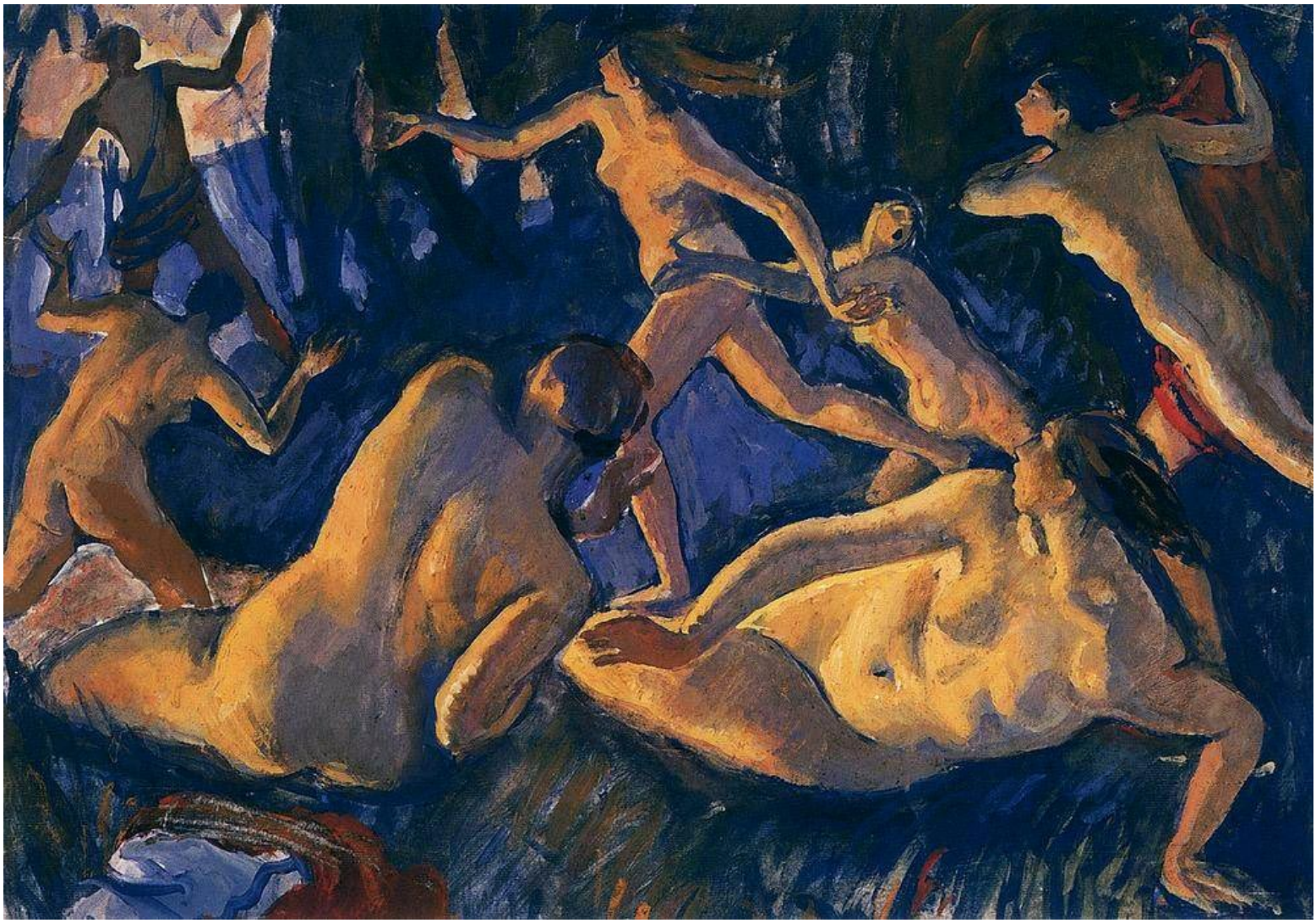
И холсты, и стихи —
Храмы наших стихий, —
Господи, сохрани!

ГАЛЕРЕЯ
ЗИНАИДА СЕРЕБРЯКОВА

Зинаида Евгеньевна Серебрякова (1884–1967).
Диана и Актеон. 1916. Бумага, темпера.
Музей «Новый Иерусалим»

…Мы специально приезжали к нему домой —
«смотреть Серебрякову».
Летопись любви. Ч. 2. С. 10.

ГАЛЕРЕЯ
ЗИНАИДА СЕРЕБРЯКОВА

З.Е. Серебрякова (1884–1967).
Диана и Актеон. 1916–1917. Бумага, темпера.
Челябинская картинная галерея

Интересно сравнить работу
З.Е. Серебряковой, купленную нами
в 1978 году, с аналогом
из Челябинской картинной галереи.